

Дарья Донцова

ЮЭН-ШУЙ БЕЗ ТОРМОЗОВ

САСТАВИЉЕ ВЕДЕЌА АНАСТАСИЈА
ЕВЛАМПИЈА РОМАНОВА

Великолепная
восьмерка
от Дарьи Донцовой

**НУЖНО
СОБРАТЬ
САМОМУ!**

Дарья Донцова
ФЭН-ШУЙ БЕЗ ТОРМОЗОВ
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 24

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165792
Донцова Д. А. Фэн-шуй без тормозов: Роман: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-28590-7*

Аннотация

Смерть известного бизнесмена в прямом эфире! Рейтинг телешоу «Интервью» взлетел после столь печального события до небес! Но жена Олега Ветрова уверена: ее мужа убили. Для расследования этого загадочного дела она обращается в наше детективное агентство. Теперь мне, Евлампии Романовой, будет чем заняться в ближайшее время. Самое интересное, что никто к Ветрову во время телеэфира не приближался, он только съел пару ложек детского питания собственной фирмы... и получил инфаркт. Ладно, я распутывала и не такие хитросплетения, разберусь и в этом. Вы сильно удивитесь, но главной уликой в деле оказалась «Марго» – самая дорогая дамская сумочка в мире!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	54
Глава 6	66
Глава 7	79
Глава 8	91
Глава 9	103
Глава 10	117
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Дарья ДОНЦОВА ФЭН-ШУЙ БЕЗ ТОРМОЗОВ

Глава 1

Если дети отказываются есть овсянку, попробуйте сварить ее на пиве.

– Ни за какие пряники не стану жрать размазню, – зашумел Кирюшка, глядя в тарелку. – Это ваще что?

– Каша, – весело ответила я. – Поверь, очень полезная вещь – придает энергии, понижает уровень холестерина в крови, улучшает цвет лица. Ну, давай без кривляний!

– Он хочет икру на завтрак, – ехидно заметила Лизавета. – Только не баклажанную, а черную!

– С икрой возникли трудности, – парировала я, – наш личный поставщик деликатесов заболел, придется обойтись геркулесом. Короче, выбирай: либо каша, либо...

Мопсиха Феня шумно вздохнула, встала с пола и умоляющим взором посмотрела на меня. Всем своим видом собака будто говорила: «Что, Лампа, капризные дети не желают лопать вкуснятину? Брось кашу в мою миску, я готова прийти тебе на помощь. Не пропадать же добру!»

– Э нет, дорогая, – заявила я, – при таком весе следует воздерживаться от гастрономических оргазмов. Тебе, дочь оленя, куплены дорогие банки специального корма для тучных псов. Думаю, ты обязана сказать мне «спасибо»: несмотря на финансовые трудности, связанные с нашим переездом в новый дом, я тем не менее не поскупилась на твое лечебное питание. Кстати, почему еда, в которой, по заверениям производителей, нет ни жиров, ни белков, ни углеводов, стоит нереальных денег, а?

Фенюша, повесив голову, залезла под стол. Я ощутила укол совести – мопсы умеют так сгорбить спину, что хозяин, не давший им лакомства, чувствует себя откровенной сволочью, жадным мерзавцем, и никакие разумные доводы о том, что ожирение опасно для псов, не могут исправить ему настроение.

– Так какой у меня выбор? – спросил Кирик, ковыряя овсянку. – Ты начала говорить: «Либо каша, либо...»

– Либо вообще ничего не получишь, – подытожила я.

– Не нравится мне такая альтернатива, – вздохнул Кирюша.

Я встала с табуретки.

– Сделай одолжение, посмотри вокруг и скажи: где мы находимся?

– В Мопсине, – ответил Кирюша. – В замечательном доме, который один умный мальчик выменял на сайте «Шило-мы-

ло»¹.

Мой взор устремился в окно.

Большинство из нас имеет мечту. Некоторые люди всю жизнь твердят: «Эх, сложись моя судьба по-иному, стал бы космонавтом».

Другие, мечтая полететь на ракете, не ноют, не ждут подарков небес, а упрямо идут по выбранной дороге: поступают в авиационный институт или летное училище, стремятся попасть на работу в Звездный городок и, рано или поздно, добиваются цели. Нашей семье очень хотелось иметь загородный дом, и мы его обрели почти волшебным образом. Но, как обычно и бывает, реализованная мечта не всегда вас устраивает.

Моя подруга Леся Куркина, страстно хотевшая стать матерью, рисовала в уме картинку: умильный малыш, облаченный в голубой костюмчик, мило лепечет, сидя в кроватке. В конце концов Господь сжалился над Леськой. Правда, у нее родилась девочка, с голубым цветом не сложилось, но Куркина накупила розовых платяиц и в первые дни материнства рыдала от счастья. Затем Леська стала делать не совсем приятные открытия: ее Наташа не спала ночами, выплевывала еду, постоянно орала, ломала игрушки... Единственное, чего никогда не делала Натуська, – она не лепетала в кроватке. На мой взгляд, Ната была очень здоровой малыш-

¹ Об истории приобретения семьей Романовых загородного дома читайте в книге Дарьи Донцовой «Фанера Милосская», издательство «Эксмо».

кой, ведь если ребенок не проказничает, он болен. Страстно мечтая о потомстве, Леся как-то не учла, что период младенчества короток – ребеночек вырастет, превратится в самостоятельного человека, который будет взростеть и взростеть.

Вчера Леська позвонила мне и заплакала:

– Я в ужасе!

– И что на этот раз? – поинтересовалась я.

– Я получила в садике выговор от воспитательницы, – рыдала подруга. – Знаешь, что сделала Натка? Играла в дочки-матери на деньги.

– Круто, – засмеялась я. – Каким образом это происходило?

– Не знаю, – призналась Леся. – Натке всего четыре года! Зачем ей деньги?

Бесполезно объяснять Леське, что детям положено шалить. Не живи в ее мечтах суперобразцовый мальчик, воспитание Наты не казалось бы подруге катастрофой – мальчишки безобразничают еще больше. Лесе повезло родить девочку, но она не способна оценить свое счастье. Такова уж человеческая натура.

И я, Лампа Романова, не исключение. Заимев дом в Мопсине, я переживаю из-за отсутствия в нем мебели. Нет бы порадоваться: на дворе июнь, стоит хорошая погода, и мы находимся не в душной Москве, а в лесу, среди зелени и птичьего щебета – так ведь нет, все мысли о том, что нам не на чем спать. Из обстановки пока есть лишь колченогий стол и

табуретки. Но диваны-то, кресла и прочее – дело наживное! Но я отвлеклась...

– На свете нет ничего отвратительнее геркулеса, – занудил Кирюша.

– Значит, так... – сурово сказала я. – Ты же знаешь: Катя уехала в Оренбург, чтобы заработать денег; Сережка и Юлечка мотаются по провинции – проводят пиар-кампанию престарелой эстрадной дивы и терпят капризы бабули, мечтающей вернуть былую популярность; я через двадцать минут уеду на службу. Напоминаю: я отказалась в этом году от отпуска. Одним словом, все стараются побыстрее обустроить дом и готовы идти на жертвы, а ты...

– Ну ладно, ладно, – забормотал Кирик, – не заводись.

– Сегодня привезут кухню, – я решила сменить тему, – вам надо принять шкафчики, пересчитать их, проверить наличие необходимой фурнитуры, винтов, гвоздей, других креплений...

– Мы не маленькие! – задрала нос Лизавета. – Но почему вы начали с кухни? На надувном матрасе не так уж и прикольно спать.

– Постепенно решим все проблемы, с чего-то же надо начинать, – оптимистично пообещала я. – Ну, пока! Пойду одеваться.

Дети обиженно засопели. Я, не обращая внимания на их кислые мордочки, быстро ушла к себе, натянула джинсы, футболку и спустилась во двор. Дух перехватило от востор-

га. Вот оно, счастье!

Ласковое солнышко греет своими лучами лужайку. На траве, среди желтых одуванчиков и неизвестных мне мелких беленьких цветочков, стоит раскладушка, прикрытая пледом, на ней кверху пузом, растопырив все четыре кривые лапы, спят Муля и Ада. Капа, радостно повизгивая, носится вокруг лежанки, Феня, которой так и не удалось выклянчить у меня кашу, сидит на крылечке с мечтательным видом. Рейчел ходит вдоль забора, изображая суровую охранную собаку.

Когда мы перебрались в Мопсино, два гастарбайтера, делающие ремонт у соседей, пришли в ужас при виде стаффики. Я попыталась успокоить строителей, сказала им абсолютную правду:

– У Рейчел вид зверя, но характер Белоснежки.

Да только бедные таджики не поверили, им Рейчуха показалась персонажем другой сказки.

– Зачем врешь, а? – сказал один. – Уши большие, глаза горят...

– Зубы большие, – добавил второй.

Тут Рейчел не к месту гавкнула, и парней как ветром сдуло. Стаффихе их бегство показалось забавным, она мигом оценила новую замечательную игру и теперь бродит вдоль забора, поджидая, когда два «храбреца» выйдут из соседнего дома. Едва строители показываются во дворе, Рейчуха издаст оглушительное «гав-гав!» и с улыбкой наблюдает, как те

наперегонки несутся внутрь здания.

Стаффиха просто шутит! Рейчел не умеет и не желает кушаться, да только парни просто трусы, боятся даже нашего двортерьера Рамика, который не обращает никакого внимания на людей и спит себе на ступеньках. Очевидно, у пса кислородное отравление – воздух в Мопсине совершенно не похож на московский коктейль из выхлопных газов и ядовитых выбросов.

Испытывая умиротворение, я села за руль и поехала на работу.

Родители мои постарались дать дочурке хорошее образование – за спиной у меня консерватория, я имею диплом арфистки ². Здорово, да? В особенности если учесть, что я терпеть не могу струнные инструменты. Всю жизнь мечтала стать следователем, но только мама, оперная певица, и папа – академик, могли упасть в обморок, наберись их дочь храбрости высказать свое желание вслух. Иногда мне кажется, что в небесной канцелярии произошла путаница. Мне следовало появиться на свет в семье сотрудников правоохранительных органов. И, наверное, где-то около мамы-прокурора и папы-оперативника живет женщина, тоскующая по арфе. Вот ей в лом ловить уголовников, но приходится продолжать династию. Повторю: нас перепутали, и я упорно пытаюсь изменить свою судьбу. Несколько раз я оказывалась на работе

² Подробнее о биографии Евлампии Романовой читайте в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

в детективных агентствах, но они, как правило, закрывались, не выдержав конкуренции. Сейчас у меня новое место: Нина Косарь, опытная сотрудница МВД, основала свой бизнес. В отличие от многих частных сыщиков Нина – крепкий профессионал со связями, и она пошла ва-банк. Косарь продала свою дачу, сдала квартиру иностранцам и на вырученные деньги открыла агентство. Сама же вместе с детьми переехала к маме, терпит, стиснув зубы, ежедневную пилежку родительницы и очень хочет выбраться из финансовой ямы. Нине не на кого рассчитывать, она одна тянет сыновей (бывший муж интереса к наследникам не проявляет, он алкоголик со всеми вытекающими последствиями).

Припарковавшись во дворе, я поднялась по роскошным мраморным ступенькам и с трудом открыла тяжеленную резную дверь из натурального дуба. Войдя в фойе, кивнула охраннику в черной форме:

– Привет, Костя.

– Здравия желаю, Евлампия Андреевна, – вытянулся парень.

Я невольно улыбнулась.

– Костя...

– Я! – заученно рявкнул он.

– Нина приехала?

– Так точно!

Я пошла по белоснежному ковру к небольшому коридорчику, ведущему к кабинету Косарь.

Только не подумайте, что шикарный офис вкупе с вышколенной охраной принадлежит нам. Кстати, я забыла сообщить, агентство находится в самом центре Москвы, неподалеку от станции метро «Тверская». Представляете размер арендной платы? Нам с Ниной и один квадратный сантиметр площади здесь не по карману, максимум, на что мы могли рассчитывать – это полуподвал в доме у рынка за МКАД. А ведь первое, на что обращает внимание клиент, – это расположение и оборудование офиса. Если он находится в Центральном округе, в уютном особнячке с наборными паркетными полами и хрустальными люстрами, значит, контора процветает. Оценив данные показатели, потенциальный заказчик осмотрит сотрудниц, поэтому мы с Ниной носим умопомрачительно дорогие часы от всемирно известных фирм – наши «будильники» тянут на пятьдесят тысяч евро каждый.

Откуда такая роскошь? Ох, придется признаться в невинном обмане. Шикарный особняк принадлежит крупному бизнесмену Феликсу Лапину. В свое время его обвинили в убийстве, и все улики указывали именно на него. В общем, сидеть бы Лапину лет пятнадцать в колонии строгого режима без права условно-досрочного освобождения, но у Нины возникли сомнения в его вине. Она выдержала нелегкую битву со своим начальством, мечтавшим поскорее спихнуть с плеч якобы прозрачно-ясное дело, и сумела-таки найти настоящего преступника. Феликс, узнав правду, разрыдался у Косарь в кабинете и заявил:

– Только скажи, что надо. Мигом сделаю!

Поскольку Лапин успешно занимается риелторским бизнесом, Нина позвонила ему, когда мы начали искать офис. Лапин привез нас в этот особняк и поинтересовался:

– Двух комнат вам хватит?

– Круто, – вздохнула я.

– Супер, – подхватила Нина. – Но – нет.

– Не понравилось? – расстроился Феликс. – Девочки, посмотритесь повнимательней, поверьте: лучше ничего не найдете!

– Ага, – кивнула я, – небось аренда запредельная.

– Больших денег у нас нет, – подхватила Нина, – все средства вложены в аппаратуру и персонал. Извини, нам пафос не по карману.

– Для вас – этот офис бесплатно, – заявил Лапин. – Живите тут даром, на правах вип-съемщиков.

– С ума сошел! – подскочила Нина.

– Ты мне жизнь спасла, – напомнил он.

– Не за офис, – уперлась Косарь.

Феликс умоляюще посмотрел на меня:

– Лампа, объясни ей! Я же от чистого сердца!

Через два дня мы с Ниной сломались, въехали в комнаты и договорились с Феликсом: занимаем помещение даром, но Лапин присылает к нам своих клиентов, которых мы, в свою очередь, обслуживаем бесплатно. Бартер, так сказать.

Бизнесмен согласился, наша с Ниной совесть успокои-

лась. Но... С того момента прошло уже достаточно времени, и Феликс держит слово – счетов нам не приносят. Однако и клиентов от Лапина тоже нет. Пока бартер работает в одну сторону.

А часы за пятьдесят тысяч евро – красивая подделка, привезенная из Азии. Стоят они всего полсотни, но выглядят волшебно и производят нужное впечатление. Кстати, дела у нас идут неплохо. Уж не знаю, что тому причиной: вычурный офис, пресловутые «будильники» или наши с Ниной ум и сообразительность. Мне, как вы понимаете, больше по душе последнее предположение.

Нина сидела за столом, держа в руках бланк договора, а напротив нее в кресле расположилась молодая женщина с каштановыми волосами, карими глазами и красивым полногубым ртом. Если бы не несчастный вид, незнакомка могла показаться красавицей. Несмотря на теплую погоду, она была укутана во что-то иссиня-черное, на ноги дамочка натянула плотные колготки. Я обратила внимание на дорогие лаковые балетки и узнала сумку, которую посетительница держала на коленях. Лизавета пару дней назад показывала мне такую в глянцевоm журнале.

– Скажи, классная? – с придыханием спросила тогда девочка.

– Ничего, – равнодушно ответила я.

Лично мне нравятся только те сумки, что продаются на собачьих выставках. Как только вижу в газете объявление про

открытие конкурса песей красоты, моментально лечу туда, нахожу ларек, в котором торгуют торбами с изображениями мопсов, дворняг, такс и прочих четверолапых, и со счастливым визгом отовариваюсь на полную катушку. В шкафу у меня штук десять подобных сумок, и других мне не надо.

– Очень, прямо до жути, хочется такую, – стонала Лизавета.

Я взяла журнал.

– И где их продают?

– Там есть адрес бутика, – безнадежно грустно ответила Лиза.

– Ну, думаю, на день рождения или Новый год...

– Нет, Лампа, я никогда не получу «Марго»³, – перебила меня Лизавета.

– Ты о чем? – удивилась я.

– «Марго» – так называется сумка. Она стоит тридцать тысяч евро! – выпалила девочка.

– Врешь! – ахнула я.

– Почитай статью, – тяжело вздохнула Лизавета. – «Марго» названа в честь Маргариты Лансэ, которая была художницей и имела кучу любовников. Пользовалась бешеным успехом у мужчин! Курила, пила и погибла от наркотиков. В честь Лансэ дом Джона Варвиано создал сумку. О такой

³ Название сумки придумано автором. Совпадения случайны. Но на свете существуют именные козгалантерейные изделия, выпускаемые рядом фирм. Как правило, они стоят очень больших денег. Например, «Келли» и «Биркин» – названы в честь актрис Грейс Келли и Джейн Биркин.

теперь все мечтают. Иметь «Марго» – это круто!

Я молча рассматривала фото. С виду ничего особенного, я бы за подобную поделку пожалела и сто долларов: прямоугольник из кожи с простыми ручками, хорош лишь оригинальный замок в виде слона. И потом, стоило ли увековечивать память дамы, скакавшей из одной постели в другую и уехавшей на тот свет с косяком в зубах или со шприцем в вене? Вот уж достойный пример для подражания. Интересно, сколько девушек мечтает стать похожими на отвязную наркоманку?

– «Марго» – это вложение денег, – поясняла тем временем Лизавета. – Около тридцатки стоит современный простенький вариант, а винтаж зашкаливает, верхнего предела нет. Пару месяцев назад на аукционе была продана одна из личных сумок Маргариты, у нее их было более десятка. «Марго» семьдесят второго года из крокодила ушла к частному коллекционеру, чье имя не раскрывается. Стартовая цена лота семьдесят тысяч евро, а в процессе торгов она увеличилась втрое.

– Офигеть... – протянула я.

– А еще «Марго» делают на заказ, – закатила глаза Лиза, – любых цветов и материалов. Шьют полгода, вручную. Говорят, мастерицы каждый стежок еще зубами проходят – для крепости!

– Надеюсь, девушек-сумочниц тщательно проверяют на вирусы, грибки и прочую инфекцию, – брезгливо поморщи-

лась я. – Неприятно отстегнуть Монблан денег и получить гепатит, СПИД, сифилис, герпес или туберкулез.

– Кубинские сигары скручивают на бедре голые мулатки, – парировала Лиза, – и ничего, народ курит спокойно. Заразу легче подхватить в метро. Боже, как я хочу «Марго»! Но фигушки она мне обломится...

Я не стала спорить. Рано или поздно любой человек понимает: кой-чего у него никогда не будет. Алмазные копи, нефтяные месторождения, урановые рудники и иже с ними – вещи эксклюзивные. Если в твоей семье их нет, учись зарабатывать деньги сам, развивай талант, проявляй чудеса работоспособности, стань уникальным специалистом... а потом уж покупай пресловутую «Марго».

Но у клиентки, сидящей сейчас перед Косарь, похоже, материальный достаток достиг пика, раз она приобрела баснословно дорогую сумку.

Глава 2

– А вот и Евлампия Андреевна, – обрадовалась Нина.

– Можно просто Лампа, – быстро сказала я, усаживаясь у стола.

– Катя, – тихо представилась клиентка и подняла голову.

Я в уме быстро произвела переоценку ее возраста. Лет посетительнице чуть больше, чем мне показалось вначале, возраст колеблется между тридцатью пятью и сорока годами. Да, у нее в руках сумка «Марго», только замок не в виде слона, как у той, что показывала мне в журнале Лиза, а в виде змеи.

– Вот и познакомились, – кивнула Нина. – Катюша, я введу Лампу в курс дела? Тем более что расследованием будет руководить она.

Я стиснула зубы, чтобы не рассмеяться. Нина умеет пускать пыль в глаза. Употребленный ею глагол «руководить» подразумевает, что у госпожи Романовой имеются подчиненные, которым она станет раздавать приказы. Мол, сама Евлампия Андреевна сидит в кабинете, изучая доклады вверенных ей сыщиков, а носиться по городу в поисках сведений будут быстроногие парни. Ан нет! Действительность намного проще: никаких помощников у меня нет и в помине, я сама стопчу несколько пар обуви, о чем клиентке вовсе незачем знать. Это не обман заказчика, а тактическая хитрость.

Я умна, сообразительна, мобильна, способна к нетривиальным решениям, четким логическим умозаключениям и одна легко заменяю десяток мужчин. Интересно, что нужно этой Кате с сумкой «Марго»?

Нина сложила руки на столе и завела рассказ, я попыталась въехать в ситуацию. Она показалась мне весьма обыденной.

Катя фотограф, ее снимки охотно публикуют модные журналы. Прошу не путать ее с папарацци. Она не вваливается на тусовку, щелкая направо и налево фотоаппаратом в надежде запечатлеть нечто жареное, не лезет на закрытые вечеринки, не пробирается без приглашения на презентации, пряча под одеждой шпионскую аппаратуру. Госпожа Ветрова работает в студии, куда приглашает звезд не первой величины. Вип-персоны второго плана охотно позируют Кате, потому что та не предлагает своим моделям отвратительные позы и сцены и не наносит на их лица уродующий грим. Никаких рыжих париков, красных носов, мешковатых костюмов и интерьеров в стиле «спальня бомжа на теплотрассе». Катя обожает гламур: атлас, кружева, золото, бриллианты, стразы, меха... Она всегда корректирует изображение на компьютере, и сердце звезды, открывающей журнал со своим портретом, радуется. Ах, как замечательно она выглядит! Ни тебе морщинок, ни мешков под глазами, овал лица безупречен, с талии и бедер волшебным образом исчезло несколько сантиметров объема.

У Кати репутация светской дамы, и масса друзей-приятелей, но, как сами понимаете, гонорары даже модного фотографа не позволяют жить в шикарной двухэтажной квартире с видом на Кремль, ездить на новеньком джипе и иметь пресловутую «Марго». Финансовое благополучие семьи обеспечивал муж госпожи Ветровой – Олег.

Супруг занимался бизнесом – владел заводом по производству детского питания. Дело Ветров начал давно и весьма удачно занял пустую нишу в то время, когда смеси, пюре, соки и тефтельки с рисом Россия закупала за рубежом. Стоили они дорого, многим молодым семьям были не по карману, не все же имеют любящих бабушек и дедушек, способных поддержать внуков финансово. А Олег наладил производство российских консервов и тут же стал лидером на рынке. Во-первых, его продукты оказались дешевле иностранных аналогов, а во-вторых, Ветров грамотно построил рекламную кампанию.

Несколько статей в газетах на тему «Как иностранцы травят наших детей ядовитыми консервами» напугали немалое количество родителей. Ветров ухитрился даже пару раз дать интервью телевизионщикам.

– Посмотрите на заокеанские яблоки, – вещал он с экрана, – они как восковые. Да, большие, красивые, глянцевые. Но разве натуральные плоды такие? Воск, которым для сохранности покрывают фрукты, крайне вреден для детского организма, кожуру перед переработкой необходимо счи-

стить, а ведь в ней самая польза. Мы же используем только российскую антоновку. Ну откуда у наших крестьян деньги на пестициды и гербициды, а? Они по старинке живут...

Несколько лет Олегу удавалось оставаться монополистом на рынке, но потом крупные корпорации очнулись и начали осваивать упущенный сегмент. Ветрова стали теснить в сторону, он занервничал и придумал питание «Успокойка». Конкурентам оставалось лишь скрипеть зубами от зависти, когда Олежек выпустил в продажу замечательную новинку.

Не секрет, что сейчас в крупных городах полно гипер-активных деток. Такой малыш, ни минуты не сидящий на месте, настоящее наказание для мамы. Безобразником надо постоянно заниматься, к вечеру, когда со службы является усталый отец, его встречает полный разгром: комната усеяна игрушками, жена в истерике, отпрыск, носившийся весь день по квартире, орет от перевозбуждения, в холодильнике хранится одна загибающаяся сосиска. И вместо того, чтобы мирно провести вечер, супруги принимаются выяснять отношения, вспыхивает скандал...

Ветров же предлагал простое решение: баночку «Успокойки». Употреблять еду надо за полчаса до сна. Стекло-вая тара закрывается оригинально сделанной крышечкой с наклейкой, которая изменяется, когда малыш вертит ее в ручонках: наклонит направо – бумажка красная, повернет влево, а она уже синяя. Непритязательная штука, но ребенок мог ею забавляться, пока мама запихивала ему в рот ложку

с едой.

Если вы покупали сразу ящик, сорок восемь банок «Успокойки», то, помимо скидки, получали еще и купон. Раз в месяц обладатели купонов участвовали в розыгрыше, и победитель отправлялся на съемку к профессиональному фотографу. Пустячок, а приятно. Олег сумел договориться с журналом для молодых родителей, и он стал устраивать конкурсы среди малышей. Номинации звучали: «Самый толстощекий», «Самый кудрявый», «Самый румяный».

Конечно, влезть на вершину пирамиды продаж Олегу не удалось, но он уверенно держался в середине, чем безумно бесил конкурентов. В прессе стали появляться хвалебные отклики от мамочек. Ладно, их можно было посчитать пиар-акциями, но восторг выражали и пользователи Интернета. Конечно, хитрые бизнесмены всю используют Всемирную паутину. Не так давно часть блоггеров слишком навязчиво хвалила одну сеть супермаркетов, правда выяснилась довольно быстро: торговцы подкупили народ, они выдали «группе поддержки» специальные скидочные карточки. Но похвалы «Успокойке» выглядели наивно честными.

«Думала, убью сына на фиг! – признавалась в своем дневнике юная мамаша. – Визжал Никитос безостановочно! Ваше без передыху! Ну прям конец! Муж домой придет и хуже сына заводится, на меня несет: „У хорошей матери порядок, а у тебя...“ Спасибо, свекровь „Успокойку“ купила. Я ей за это все гадости простила. „Успокойка“! Вот где счастье! Бе-

рите сразу целый ящик!»

Почему дети мирно засыпали, вкусив содержимое банки, никто не понимал. Вроде это самая обычная манная каша с добавками! Может, успех в наклейке? Олег лишь улыбался и на вопросы отвечал просто:

– Я люблю детей, вот и весь секрет.

Недавно Ветрова позвали поучаствовать в шоу «Интервью» на один из кабельных каналов. Ведущая программы, красивая дама по имени Ульяна, начала пытаться бизнесмена и в конце концов сказала:

– Вот у нас в студии банка «Успокойки». Она абсолютно безопасна для здоровья?

– Конечно, – кивнул Олег.

– Никакого снотворного?

– Нас проверяли неоднократно, – усмехнулся Ветров, – и родители, и другие производители. Покупали питание в магазине и носили в лабораторию.

– И все чисто?

– Это качественный продукт, – пожал плечами Олег. – Выпускаем три вида: с сахаром, без него и с фруктами.

– Чем вы кормите своих детей? – не успокаивалась Ульяна. – Готовы здесь на глазах у зрителей дать собственному малышу продукцию вашей фирмы? Мой помощник приобрел баночку в соседнем со студией магазине...

– У меня нет детей, – спокойно ответил гость. – Хотите, сам съем содержимое банки?

– Давайте, – обрадовалась телезвезда. – Прошу, начинайте!

Ветров решил использовать этот шанс для рекламы своей продукции. Взял баночку, повертел ее в руках и сказал:

– Это самый покупаемый вариант, без сахара. Обратите внимание на дату и осторожно поворачивайте крышку. Непременно должен быть хлопок, если его нет, выбросьте банку. Вот, чпок! Значит, герметичная упаковка. Где ложка? Ага, спасибо. М-м-м... Вкусно! Скажу по секрету, «Успокойку» частенько покупают пожилые люди в качестве альтернативы снотворному. Я и сам ее люблю.

– Неужели внутри безобидная каша? – разочарованно спросила Ульяна.

– Я похож на идиота, который станет гробить свое здоровье? – усмехнулся Олег. И вдруг схватился за грудь. – Ох!

– Что такое?

– Сердце, – выдавил бизнесмен, – колотится... снова...

Ведущая уставилась на Олега, студия замерла. Ветров закатил глаза и упал на диван. Тысячи телезрителей стали свидетелями доселе невиданного шоу под названием «Смерть в прямом эфире».

– Ну и ну, – пробормотала я. – Он и впрямь скончался?

– Да, – прошептала Катя, – умер.

– Худшей рекламы детскому питанию и не придумать, – констатировала Косарь. – Думаю, с того дня ни одной банки не было продано. А газета «Желтуха» наверняка уже разнес-

ла весть о казусе по всей стране.

Я укоризненно посмотрела на Нину. Ну когда она избавится от ментовской прямолинейности? Сейчас Катя оскорбится... Хотя мне пока непонятно, зачем она к нам явилась.

Но вдова повела себя неожиданно.

– Верно подмечено, – кивнула она. – Продажи обвалились в ноль, в Интернете появился ролик программы, и он побил все рекорды по просмотру. Если так дальше пойдет, бизнес рухнет. Найдите убийцу! Я готова на любые ваши условия!

– Секундочку... – остановила я Катю. – Кто убит?

– Олег, – мрачно ответила она. – Странно, что вы не поняли.

– Но кто лишил жизни вашего мужа? – хором спросили мы с Ниной.

– Имей я ответ на этот вопрос, не пришла бы сюда! – печально усмехнулась Катя.

Мы с Ниной переглянулись.

– А что сказала милиция? – поинтересовалась Косарь.

– Инфаркт, резкое нарушение работы сердца. Я не слишком разбираюсь в медицинской терминологии, – нервно пояснила Катя.

Я попыталась внести ясность:

– Олег умер в студии, он там был с ведущей Ульяной. Вы заподозрили убийство, но давайте рассуждать логически. Как Ульяна могла лишить жизни вашего мужа?

Катя нахмурилась:

– В кадре их действительно было двое, но на съемочной площадке находилась прорва народа – администраторы, операторы, звуковики, режиссер, гримеры, костюмеры, уборщицы...

– Олег приехал в телецентр здоровым? – поинтересовалась Нина. – Он не чувствовал недомогания?

– Нет, – покачала головой Катерина.

– А вообще он жаловался на боль в сердце? – вступила я.

– Никогда.

– Принимал какие-нибудь лекарства?

– Даже не прикасался к таблеткам! – воскликнула Катя. – Да поймите вы! Муж не пил, бокал шампанского на Новый год не в счет. Не курил. Мне не изменял. Занимался спортом. Два раза в неделю посещал фитнес-зал. Раз в год проходил обследование в клинике. Ложился спать в одиннадцать, вставал в восемь. У нас в доме не бывает копченой колбасы, жирной еды и крепкого кофе. Овощи, фрукты, рыба, оливковое масло – вот наше обычное меню. Ну, иногда еще яйца и творог. У него была только аллергия на животных, но это пустяк.

– Прямо не верится, – вздохнула Нина.

– Что, и сосиски не едите? – заинтересовалась я.

Катя сложила руки на груди.

– Я покупаю еду исключительно в магазине экологически чистых продуктов. За месяц до трагедии Олег делал кардио-

грамму и ему сказали: здоровье у него потрясающее, на троих.

– Сглазили, – подытожила Нина.

– Его убили! – возразила Катя. – В милиции, кстати, так же на мои слова отреагировали. Только что вон не выгнали. Выслушали, но дело открывать не стали.

В Косарь мгновенно проснулась цеховая солидарность.

– Так повода нет! Инфаркт не преступление.

– Нет, Олега отравили, – прошептала Катя. – Некто надумал убрать конкурента... Хотя почему «некто»? С какой стати мне миндальничать? Дима Тыков, это его работа!

– Даже если предположить, что некое лицо имело преступные намерения, то как оно их осуществило? – поразилась Нина.

– Отраву положили в банку, – выдала свою версию событий Катя, – муж съел кашу и умер...

– Крышка издала хлопок, – напомнила я, – герметичность была не нарушена.

– Я читала, что в Америке поймали человека, который прокалывал в супермаркетах упаковки с соком, – оживилась Катя, – и с помощью шприца вводил в них яд. Куча людей заболела! Таким варварским способом одна фирма решила утопить другую.

– «Успокойка» продается в стекле, а его не проткнуть, – вздохнула я. – Крышка металлическая, ее тоже не проколешь.

– Откуда ты знаешь? – поразилась Нина.

– Да так, видела в супермаркете, – туманно ответила я.

Ну не признаваться же, что сама люблю слопать перед сном баночку манной каши для младенцев! Между прочим, детское питание очень вкусное, вот только на мой сон оно не влияет. Как спала сном праведника до увлечения «Успокойкой», так и сейчас дрыхну без задних ног.

– Тыков предложил Олегу слиться в один концерн, – продолжала Катя, – муж отказался, вот Дмитрий и отомстил ему. Думает, что я напугана, и он легко получит бизнес. Фигу ему под нос! Теперь сама начну заводом руководить. Научусь всем премудростям.

– Очень глупо травить в прямом эфире владельца бренда, который предполагаешь захватить, – с сомнением покачала головой Косарь. – Народу без разницы, какая фамилия у хозяина, Ветров или Тыков-Быков-Мыков... Игры бизнесменов не колышут простого человека, ему нужно, чтобы консервы хорошие были. А вот о том, как человек склеил ласты, поев в студии «Успокойку», покупатель запомнит крепко, и прости-прощай доброе имя продукта. Зачем, спрашивается, гробить репутацию продукта, который решил заполучить? Вся операция теряет смысл.

– Тыков ненавидел Олега! – звонко выкрикнула Катя. – Это ни для кого не секрет!

– Тем более неразумно убивать его в студии, – гнула свое Нина. – Тыков чего хотел? Бизнес Олега заграбастать или его

смерти?

– И то, и другое! – занервничала Катя.

– А чего больше? – танком катила на нее Нина.

– Ну... думаю... бизнес больше, – пришлось признать Катерине.

– О, добрались! – подняла палец Нина. – Получается, что в убийстве не было необходимости. Случился, увы, инфаркт. Без всякого криминала.

Глава 3

Катя резко выпрямилась, открыла сумку, вытащила оттуда конверт и положила его на стол.

– Вот это должно поколебать вашу уверенность! – воскликнула она. – Письмо пришло за пару дней до смерти Олега.

Я взяла конверт, достала листок бумаги и прочитала:

– «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять».

– Понимаете? – склонила голову набок Катя. – Вам ясен подтекст?

– Детская считалочка, – резюмировала я, – про длинноухого. Что вас насторожило?

– Ни обращения, ни подписи, – нервно стала перечислять Катерина, – нет адреса, марки, почтового штемпеля, не имелось и доставочной квитанции. Впрочем, я и курьера не видела.

– Дай глянуть! – велела Нина и, выхватив у меня бумажку, принялась ее рассматривать. – Это чья-то глупая шутка. Или вы взяли письмо, которое не вам предназначалось.

– Нам, – возразила Ветрова, – его явно Олегу подбросили. Помните весь стишок? «Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет, пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайка мой!»

В офисе на пару секунд стало тихо, потом я улыбнулась.

– Интересно, сколько лет считалочке? Я ее с детства пом-

ню.

– Это единственное, что вызвало ваш интерес? – съязвила Катя.

– Лет в пять я очень переживала, – сказала я, не обращая внимания на ее заявление, – плакала и жалела зайчика. И папа рассказал мне продолжение истории о бедном пушистике: «Я кладу зайку в корзинку и несу его домой. Ой-ой, оказался он живой!»

– Ваш отец специально придумал эту строфу, чтобы дочь не ревела, – резко перебила меня Катя. – Всем известно: охотник прикончил зайца.

– Он выжил! – не дрогнула я. – Испугался только, небось его контузило. А потом ускакал в лес с пирожками для бабушки.

– При чем тут «Красная шапочка»? – возмутилась Катя. – Пироги здесь не в тему!

– Прекратите нести бред, – поморщилась Нина и посмотрела на Ветрову: – Вы живете в собственном особняке?

– Нет, в доме, где несколько квартир, – пояснила вдова.

– Тогда отчего вы решили, что дурацкий стишок является угрозой именно вам? – резонно поинтересовалась Нина. – Скорей всего, чьи-то дети баловались.

Катя нахмурилась.

– Конверт лежал на коврикe у моей двери.

– И что? – улыбнулась я. – Вам его подложили по ошибке. Или, повторю Нинино предположение, баловались школьни-

ки.

Катерина прижала пальцы к вискам.

– Наш дом особый – это клубный кооператив.

– Извините, что? – не поняла Нина.

– В здании шесть этажей и столько же квартир – на шесть семей, – пустилась в объяснения Катя. – Имеется три лифта, в которых нет кнопок, а только прорезь для специальной карточки – всовываете ее в отверстие, и подъемник доставляет вас к апартаментам, не останавливаясь на других этажах. Более того, сесть в лифт, когда в нем кто-то едет, невозможно. Мы живем в пентхаусе. Так вот, когда я спускаюсь вниз, кабина не тормозит ни на пятом, ни на четвертом, свистит до первого этажа без задержки. Понимаете? Столкнуться с соседями можно лишь в общем холле, возле охраны.

– Да... – задумчиво протянула я. – Наверное, такая квартира бешеных денег стоила.

– За два года, что мы обитаем в этом доме, я всего пару раз встречала незнакомцев в подъезде, – продолжала, вздохнув, Катя. – Не знаю, с какого они этажа, как их зовут, живут ли у нас или к кому-то в гости пришли. Дом принадлежит некоему Баларову, у него в здании есть квартира, но, опять же, я понятия не имею, на каком этаже она находится. Хозяин лично отбирал жильцов. Олег говорил, что многие хотели попасть в «Парадиз», как называется клубный комплекс, но жесткий кастинг Баларова выдержало лишь несколько человек.

– Дети способны просочиться куда угодно, – со вздохом заметила Нина, – им никакие хитрые лифты не помеха. И потом, думаю, хозяин позаботился о пожарной безопасности, в доме должна быть лестница. Ведь когда в здании вспыхивает пожар, пользоваться лифтом строго-настрого запрещается.

– Да, лестница есть, – кивнула Катя, – но...

– Вот видите! – уверенно перебила ее Косарь. – Ребятишки на всякие штуки талантливы! Так что наверняка с письмом кто-то из местных шалунов постарался.

– Но в нашем здании нет ни одного человека моложе пятнадцати лет, – завершила фразу Ветрова.

– Да ну? – удивилась я.

– Именно так, – закивала Катя. – Одним из условий получения апартаментов было отсутствие малышей. Баларов не терпит шума, поэтому отказал поп-звезде Софии, мечтавшей поселиться в доме, и еще парочке вполне платежеспособных клиентов, которые не прошли «тест на тишину». Нам сначала тоже сказали «нет», из-за возраста. Надир, управляющий «Парадизом», заявил: «Сейчас наследников не имее-те, но вдруг они у вас появятся. Выселить вас будет невозможно, и клубный дом превратится в детский сад». Мужу пришлось принести справку от врача, подтверждающую мое бесплодие.

– Однако! – восхитилась Нина. – Впервые слышу о подобном. Это же ущемление прав человека!

Катя неожиданно улыбнулась:

– Зато у нас тихо.

Я решила до конца стоять на своем:

– Но ведь есть уборщицы, электрики, сантехники, кто-то из них мог...

Ветрова уставилась на меня:

– Более идиотского предположения в жизни не слышала. С какой такой радости они решили бы шутить с жильцами? Вылетят с работы под фанфары и лишатся заработка. Причем это в лучшем случае.

– Тогда каким же образом письмо попало на коврик? – спросила Косарь.

– Вот-вот! – закивала Катя. – Давайте-ка для начала и выясните этот казус.

У меня затрезвонил мобильный, пришлось извиниться и выйти в коридор.

– Лампуша, – зарыдала из трубки моя подруга Настя Ваксина, – такой кошмар!

– Что случилось? – без особого энтузиазма спросила я.

Настя, на первый взгляд, вполне счастливая женщина – имеет мужа, двоих детей, любящую маму и интеллигентную свекровь. Работает подруга пиар-директором в крупной фирме, каждый месяц получает не только хорошую зарплату, но и конвертик с солидной суммой. Официальный оклад Ваксина вносит в семейную кассу, а «теневую часть» оставляет себе на безумства вроде шоколадных обертываний в дорогом салоне красоты. Мне-то кажется, что массу из ка-

као-бобов лучше слопать с чаем, но у Настены иное мнение – ей нравится, когда чужие руки занимаются ее телом, и, увы, дело не ограничивается только спа-процедурами. Да, да, я вынуждена признаться: Ваксина изменяет своему мужу Славику. А тот, по-моему, является образцом супруга: не пьет, не курит, не ходит налево, регулярно покупает Насте подарки (просто так, без повода), а уж цветы дарит жене почти каждый вечер. Слава всегда в хорошем настроении, искренне рад видеть подружек Настюхи, не возражает против девичников, не проводит выходные в гараже и прилично зарабатывает, сидя у своего компьютера. Он не пристаёт к супруге, если у той из-за служебных неприятностей отвратительное настроение, а еще Славик отлично жарит мясо. Впрочем, к плите он подходит редко, у Ваксиных есть помощница по хозяйству, а детей «пасет» гувернантка. К теще Слава относится с пиететом. Свекровь Насти поэтесса, ей совершенно по фигуре, какими хозяйственными талантами обладает невестка, – Марина Ивановна строчит поэмы, она графовумен, занята только своим творчеством. У меня до сих пор нет уверенности, что дружащая с музой дама помнит имя жены сына, если вообще она отдаёт себе отчет в том, что Славик вот уже восемь лет как счастливый муж и отец. За вышеупомянутый срок мамуля навестила сыночка два или три раза. Она не настаивает на проведении семейных ужинов, а на Новый год улетает на Бали – поэтесса ненавидит снег и московскую слякоть.

Ну а теперь, задушив черную зависть, честно ответьте: неужели вам не захотелось хоть на недельку оказаться на месте Настены?

Но вот парадокс: имея в личном распоряжении ожившую женскую мечту (Славик высок ростом, строен, накачан и вообще – он блондин с голубыми глазами), Ваксина постоянно ищет на свою голову приключений. И, как правило, ее любовники в подметки не годятся Славику. Все какие-то обмылки, недомерки и моральные уроды с комплексами и материальными проблемами. Но чем гаже экземпляр, тем выше вероятность, что он окажется в постели у Настьки. Во время краткосрочного романа моя подруга заваливает убогое создание подарками и окружает вниманием, а через месяц-другой она звонит мне и кричит в трубку:

– Идиот! Кретин! Импотент!

Я для Ваксиной служу личным психотерапевтом, сейфом, где хранятся ее тайны, чем-то вроде мусорного ведра для слива негатива. Один раз, правда, я не удержалась и спросила:

– Отчего ты пускаешься в дурацкие авантюры? Не дай бог, Славик узнает про твои шашни, и семья развалится.

Вам никогда не угадать, что ответила Настя! А она сказала буквально следующее:

– Я должна быть постоянно уверена в том, что Славик лучший из мужчин, а для этого необходимо периодически сравнивать его с другими.

Ну согласитесь, такой аргумент услышишь не часто. Однако, похоже, сегодня у подружки завершилась очередная эскапада.

– Излагай, – приказала я, – но коротко, мне пришлось убежать с совещания.

– Лампа! Катастрофа!

– Поконкретней.

– Ужас!

– Пока ничего не ясно.

– Жуть! – не останавливалась Настюха.

– Смени эмоции на факты.

– Славик взял мой телефон.

– Так.

– Мобильный, – уточнила Ваксина.

– Ясно.

– И случайно нажал на «сообщения».

Я прикусила губу, похоже, Слава не так уж наивен, хотя раньше он ничего такого не проделывал! Но ведь все в жизни когда-то случается впервые.

– Он прочитал эсэмэску от Ромы, – простонала Настя.

– Твое новое увлечение зовут Романом?

– Да! Ой, беда!

– Не реви, – оборвала я Ваксину. – Конечно, глупо оставлять в аппарате сообщения от любовника, но из любой ситуации можно выкрутиться. Если Слава спросит, от кого письмо, спокойно отвечай: «Коллега прислал, а что?»

– Ты дура, да? – плаксиво протянула Ваксина.

– Из нас двоих с умом плохо у тебя, раз ты не позаботилась удалить эсэмэску.

– Как я могу сказать про парня с работы?

– Но ведь так будет лучше, чем заявить про непонятно откуда взявшегося знакомого, – пояснила я. – Коллега вполне может общаться с тобой посредством sms-сообщений. Ну ладно, есть еще парикмахеры, фитнес-тренеры... Скажи, мол, из тренажерного зала отправили, отменили тренировку. Кстати, почему ты так перепугалась? Каково содержание послания?

– «Хочу тебя снова и снова, много раз, как вчера в отеле. Роман», – голосом диктора программы «Время», сообщающего о смене правительства, ответила Настя.

Я икнула и пробормотала:

– Мда... Идея со стилистом, коллегой по службе и тренером мимо кассы. И как Славик отреагировал на текстуху?

– Молча, – засопела Ваксина. – Положил мой сотовый и ушел в ванную. До сих пор там сидит! Уже второй час. Дома тишина! У меня сердце в пятках!

– Из каждого безвыходного положения есть выход, – неуверенно начала я. – Скажи, что подруга пошутила.

– Не поверит!

– Ну... тогда не знаю...

– Лампуша, солнышко, позвони Славику.

– С какой целью?

– Помоги мне!

– С удовольствием. Но как?

– Это ты отправила эсэмэс.

– Я?

– Ага! – зашептала Настя. – Ну пожалуйста! Что тебе стоит?

– Меня зовут не Роман, и я не лесбиянка!

Настя захихикала.

– Слушай, я придумала отличную отмазу. Только повтори текст дословно...

Ваксина гениальная переговорщица, она способна убедить кого угодно сделать что угодно. Я сдалась сразу. Ради экономии времени.

– Хорошо.

– Обожаю тебя! – зашипела Настя. – Ну, давай...

Я нажала на красную кнопку, набрала знакомую комбинацию цифр и услышала глуховатое:

– Алло.

– Славик?

– Слушаю.

– Лампа беспокоит.

– Добрый день, – мирно отреагировал супруг Насти.

Я почувствовала уважение к Славе. Надо же, мужик нашел стопроцентное доказательство измены жены и не спускает собак на ее закадычную подругу. Согласитесь, такое поведение характеризует его с лучшей стороны, подавляющее

большинство парней сейчас бы уже крыло меня на чем свет стоит.

– А где Настя? – сделала я следующий шаг.

– Извини, точно не скажу. Она собиралась на службу, а я сижу в ванной. Звякни Настьке на мобилу, – как ни в чем не бывало предложил Славик.

На секунду я растерялась. Может, Ваксина забила ложную тревогу? Уж больно спокоен рогатый супруг. Но несыгранная до конца роль не позволяла мне расслабиться.

– Она не берет сотовый, – заторопилась я. – Слушай, Слав, тут такое дело... извини, что мешаю принимать душ... но моя начальница летает по офису на реактивной метле...

– В принципе, я никуда не тороплюсь, – ответил воспитанный Слава. – Чем могу помочь?

– Наше агентство заказало в Настиной фирме рекламный билборд. Ну зачем идти к незнакомым людям, когда у меня подруга в этом бизнесе работает?

– Логично.

– Будет прикольный снимок! – воодушевленно врала я. – Большая кровать, на ней госпожа Романова – голая, с парнем!

– Креативно, – кашлянул Славик.

– Да, да! Модели очень дорогие, мы решили обойтись собственными силами, – несла я чушь. – Слушай дальше: из приоткрытой двери спальни высовывается фотоаппарат. Вверху должен быть текст... Вот из-за него-то и весь пожар!

Понял?

– Нет, – коротко ответил Слава.

– Настя предложила: «Наш глаз – ваш глаз». И как тебе?

– Не очень оригинально.

– Верно. Нина выдвинула вариант: «Хочешь меня всегда?»

– Двусмысленно, – втянулся в обсуждение Слава.

– Точно! А сегодня утром Косарь вдохновило. Она наваяла новую, на мой взгляд вообще никуда не годную надпись: «Хочу тебя снова и снова, много раз, как вчера в отеле. Роман».

Из телефона послышалось шуршание, звяканье, потом Славик поинтересовался:

– А кто такой Роман?

– Вот! – торжествующе воскликнула я. – Действительно! Откуда взялся Роман? Я задала Нине этот вопрос, но она делается безумной, когда с ней спорят. Короче, я отправила Насте эсмэску с текстом. Ответа до сих пор нет, а Нинка тут уже зажигает. Глянь, вдруг твоя жена элементарно спит?

– Сейчас, – пообещал Слава. И заорал: – Настюня!

– Да, милый, – мгновенно отозвалась Ваксина, в нетерпении топтавшаяся под дверью в ванную. – Хочешь, спинку потру?

– Ответь Лампе, держи трубку.

– О! Лампуша! Привет! Что? Где? Еще не видела! – тараторила Настя.

Я молчала, пусть говорит сама.

– Озвучь текстуху, – Ваксина изображала участие в диалоге. – С ума сошла! Какой Роман? Голый парень? Вау, она дура! Реклама должна быть понятной. Зачем нам такая хрень? Нет, нет! Как? Уже лучше... Думайте еще, но не тяните, время поджигает... Покедова! Чмоки!

Из трубки понеслись гудки, я сунула сотовый в карман и с чувством выполненного долга вернулась в офис.

Глава 4

В тот момент, когда я вошла в кабинет, Катя уже встала из кресла.

– Значит, договорились? – спросила она.

– Не волнуйтесь, – заверила Нина, – спите спокойно.

Катерина скорчила гримаску и ушла.

– Достигли консенсуса? – деловито поинтересовалась я.

Косарь вытащила сигареты.

– Полная ерунда. Бабе трудно смириться с фактом, что она стала вдовой, хотя ее положение вовсе не трагично: детей нет, жилплощадь есть, в руках раскрученный бизнес мужа, плюс собственное ремесло. Ни от кого она не зависит и в деньгах не нуждается.

– Наверное, она любила супруга, – вздохнула я.

– Романтика... – поморщилась Нина. – Обычно розовые пузыри перестают пускать через пару месяцев после свадьбы, дальше начинается жизнь с большой буквы. Кстати, тебя не смущает, что эта буква «ж»? Очень символично!

– Давай лучше попьем чайку, – мирно предложила я.

Если Косарь завелась на тему семьи и брака, остановить ее практически невозможно. К сожалению, Нинуше не повезло: ее бывший супруг, как я уже упоминала, не самый лучший вариант (безнадежный алкоголик, после развода не собирается оказывать материальную помощь детям).

– Могу сходить в супермаркет за печеньем, – предложила я. Потом, чтобы окончательно увести мысли коллеги подалее от личных дел, резко поменяла тему: – А что с Катериной? Мы на нее работаем?

– Ветрова уверена в убийстве мужа, но я, кажется, сумела убедить ее, что смерть Олега – обычная житейская трагедия, – деловито сообщила Косарь. – Катерина почти согласилась с моими доводами, но потом снова уперлась в ту записку со стишком про зайца. Повторяю ей: «Это глупая шутка». И тогда она сказала: «Выясните чья. Хочу узнать имя и фамилию юмориста». Тогда я выдвинула версию, что письмо подложил один из жильцов дома. «Замечательно! – обозлилась Катя и заявила: – Найдете идиота, и я отправлюсь к Баларову. Объясню ему, что вместо идеальных жильцов-соседей он поселил в доме уродов. Работайте! Но начните с Тыкова. Думаю, он тут замешан по уши». В общем, Ветрова в секунду подписала договор, выложила немалую сумму предоплаты и ушла.

– Ну ладно, – сказала я, – клиент всегда прав.

– Дело твое, – распорядилась Косарь, – действуй.

– Хорошо, – кивнула я, – нет проблем. Для начала придется использовать лабораторию. Сейчас соединюсь с Салтыковой...

В ту же секунду в дверь тихонечко постучали, затем она приоткрылась, на пороге показалась худенькая заплаканная девушка в пронзительно-желтом платье.

– Здравсти, – плаксиво протянула она. – Вы ловите гадов, которые изменяют женам?

Мне стало смешно. Захотелось ответить глупышке: «Ну да! И сетью, и на крючок. А потом сажаем в садок и отдаем законной жене».

Наверное, улыбка помимо воли появилась на моем лице, потому что Нина с легкой укоризной кашлянула, а потом приветливо сообщила обманутой жене:

– Можем представить доказательства измены – фотографии, аудиозаписи.

– Не хочу видеть и слышать, как он ее трахает! – взвизгнула девчужка. – Хватит того, что скажете: «Сашка гад».

– Садитесь, пожалуйста, – пропела Нина.

Я поспешила уйти из ее кабинета. Моя комната по коридору следующая, мы с Ниной равноправные партнеры, у нас отдельные помещения, на визитке у Косарь написано «Генеральный директор», а у меня: «Председатель правления».

Усевшись в кресло, я позвонила Салтыковой. Галя работает в лаборатории, много лет дружит с Ниной и с удовольствием выполняет наши заказы. Естественно, за деньги. У Салтыковой маленькая дочь и нет мужа – он благополучно начал новую жизнь с другой, вот только ребенка и собственную маму-инвалида оставил прежней супруге. Не спрашивайте меня, каким образом Салтыкова выкручивается, где она берет всякие реактивы для выполнения заказов частных сыщиков и какие служебные дела откладывает, дабы побыст-

рей сообщить им ответ. Галка педантична и аккуратна (впрочем, в криминалистической лаборатории другие и не работают) и патологически честна. Я не любопытна и ни разу не удосужилась спросить, какова специализация Салтыковой, хотя отлично понимаю: один человек не может заниматься всем, эксперты работают в узких областях. Ну, допустим, один занимается исключительно оружием, другой – аудио– и видеозаписями, третий следами от шин и прочими проблемами, связанными с автомобилями. Я просто набираю номер Галки, а потом мы оплачиваем ее услуги, не разбираясь, с кем договаривается наша помощница.

– Салтыкова слушает, – отрапортовали из трубки.

Да уж, если имеешь на плечах погоню, то даже по личному мобильному ответишь так, как предписывает служебная инструкция.

– Романова, – в тон Галке представилась я.

– Что нужно? – без предварительных вопросов о жизни и настроении осведомилась она.

– Есть конверт и листок бумаги с текстом. Надо выжать всю инфу.

– Присылай!

– Через час привезут.

– О'кей.

Я положила телефон на стол. Обожаю Салтыкову! Больше минуты Галка на аппарате не висит. Так, теперь звякнем Колянну, бывшему коллеге Нины...

Нина при всей своей внешней суровости и строгости – добрый и отзывчивый человек. Работу свою она всегда любила. Более того, за долгие годы службы Косарь не растеряла своих идеалов и иногда, как герой культовой киноленты, повторяет: «Преступник должен сидеть в тюрьме».

Нина ненавидит мерзавцев и негодяев, но в ней осталось сострадание к несчастным, она не разучилась ощущать чужую боль. А еще моя напарница отличный сыщик с тонким профессиональным нюхом и чистыми руками – она никогда не брала взяток. Думается, такого сотрудника на работе должны ценить, холить и лелеять, но, увы, служба в милиции, в особенности «на земле», в районном отделении, очень напоминает труд раба на галере. Сунут тебе в руки весло, и шуруй им под чужую команду, раз-два, да побыстрее, вечером получишь ложку каши без мяса и масла. Похвалы бедолаге не дожждаться, зато удары кнутом сыплются без счета. Нине за всю ее ментовскую карьеру объявили кучу выговоров, в отпуск она ходила обычно в марте, а в остальные месяцы частенько оставалась без выходных.

И еще. Слышали когда-нибудь словечко «усиление»? Нет? Вот и радуйтесь! А в милиции Новый год, Восьмое марта, майские праздники, выборы, теракт за тридевять земель от столицы, приезд в Москву глав иностранных государств и прочие общественно-политические события влекут за собой это самое «усиление». Все сотрудники, включая тех, кому положен законный выходной, прячутся на работе. Логично

предположить, что потом случится «ослабление» и народ отпустят на сутки домой, поспать и отдохнуть. Так вот – нет, фигушки!

Бедная Нина исписывала в кабинете тонны бумаги и часенько занималась ерундовыми проблемами, по службе она продвигалась с трудом, потому что не умела красиво докладывать начальству о своих успехах. К тому же в отделении не было ни столовой, ни буфета. Чтобы попить чаю, приходилось вытаскивать из шкафа затыренный от пожарной инспекции электрочайник и, включив его, нервно смотреть на дверь, не ровен час войдет начальство и заорет: «Штраф кто платить будет?» Ну как можно требовать от человека полной отдачи на службе, не обеспечив его горячим обедом? И о новой квартире милиционеры даже не мечтают...

А машины? Ну неужели нельзя продавать ментам тачки отечественного автопрома со скидкой и выдавать некоторое количество талонов на бензин? Ведь оперативник безостановочно мотается по Москве из конца в конец! Интересно получается: зарплата копеечная, а он должен тратить ее на проезд, когда носится по служебным делам. Понятно, почему люди убегают из госучреждений в частные структуры, а многие из тех, кто охотно сидит в отделении, используют служебное положение на всю катушку. Есть, правда, категория неисправимых трудоголиков, потерявших из-за работы семью, не имеющих никакой личной жизни и бегущих по лужам в драных ботинках. К ним в некотором роде принадле-

жит наш Костин, но он поднялся «с земли», сделал карьеру, а Коля, которому я собираюсь звонить, как сидел в отделении, так там и кукует.

– Марков, – мрачно сказал в трубку Николай.

– Здорово, Лампа на проводе.

– Ух ты! – Коляша откровенно обрадовался возможности заработать. – Весь внимание!

– Нужна информация на бизнесмена Дмитрия Тыкова. И еще все о жильцах дома-клуба «Парадиз». Владелец заведения некий Баларов.

– О йес! – загудел Николаша. – Когда надо?

– Вчера.

– Бу сде! – с готовностью заявил Марков.

Я зевнула, потянулась и решила сходить в маленькую кофейню, расположенную по соседству с офисом. Но встать из-за стола не удалось – заработал сотовый.

– Лампуша, – закричал Кирик, – кухня приехала!

– Отлично! – обрадовалась я. – Вы ее проверили?

– Четыре длинных ящика, шесть коротких.

– А крепления?

– В отдельной коробке. Грузчики сказали: если чего не так, сразу довезут. Шкафы наши, их делают в Москве, завод рядом, – радовался Кирюша.

– Погоди! Как же так? В магазине продавцы хором пели про итальянское качество! – возмутилась я.

– Дверцы, полки, ручки едут из Милана, а собирают их у

нас, что значительно упрощает процесс обмена не подошедших деталей, – пояснил Кирик. – Так мы можем с Лизкой уходить?

– Если мебель на месте, получаете свободу. Но только тщательно закройте...

– ...оба входа, окна, проверить котел, краны, – зачастил Кирюшка и бросил трубку.

Я вынула из сумки листочек и набрала нужный номер телефона.

– Фирма «Ми и Ко», – ответила женщина.

– Мы заказывали у вас кухню.

– Шикарно.

– Она прибыла вовремя.

– Суперски.

– Надо собрать шкафы.

– Офигительно.

– Повесить их.

– Обалдеть.

– Девушка, – не выдержала я, – вы кто?

– Аня.

– Понимаете, о чем идет речь?

– А то!

– Мы заказали у вас кухню!

– Обалдеть.

– Теперь нужны мастера.

– Я фигею.

– Просто безобразие! – вырвалось у меня. – Вы издеваетесь?

– Ваще прям! – зачастила Аня. – Кухню приволокли, не опоздали. Че за наезды? Не надо бычиться! Мастеров хотите?

– Да!

– Ну и че? Заказывайте, припрут в любое время!

– Сегодня в полночь, – решила я подковырнуть наглую, не умеющую беседовать с клиентами девушку.

– Прикольно.

– Значит, невозможно? – ринулась я в пучину скандала.

– Па-ачему? – протянула Аня. – Пришкандыбают.

– В двенадцать ночи?

– Сами же хотите. Или уже передумали?

Мне отчего-то стало неудобно.

– Нет, нет. Нормальное время, я как раз успею добраться домой.

– Адрес говорите...

– Мопсино.

– Этта не в Москве?

– Мастера обслуживают только столицу?

– Примотаются хоть на Луну. Дорогу объясните.

– Небось берете двойной тариф за поздний час, – я в полной мере осознала свою глупость.

– Не, обычный, – успокоила меня Аня.

– А выезд за МКАД сколько стоит?

– Бесплатно припрутся. Вы договорчик почитайте!

Я насторожилась:

– Секундочку! Мне полчаса назад привезли шкафы...

– Повезло.

– Их надо собрать...

– Ржу нимагу! – перешла на сленг Интернета Аня.

– Повесить на стену...

– Круто.

– Прикрепить столешницу.

– Вау!

– И вы обещаете мастеров сегодня?

– А че?

– То есть прямо так? Мне ничего больше не надо делать?

– Ну можете за воротами попрыгать и платочком помахать.

– Кухня доставлена сегодня!

– Ну! Адский сотона!⁴

– И мастера придут ночью?

– Ваще не врубаюсь. Чего вы дергаетесь?

– Шкафы приехали вовремя! Повесят их тогда, когда мне хочется! Выезд бригады бесплатный! Где засада? – заорала я.

– Бабушка, – нежно пропела Аня, – ща не до-исторические времена, не восьмидесятый год, а двадцать первый век. Ляжьте спать. Дома нормальные люди, типа ваши внуки, будут?

⁴ Язык Интернета. Адский сотона – адский сатана, ужасный человек; ржу нимагу – ржу не могу, смеюсь до упаду.

– Непременно, – процедила я, – восемь штук.

– Шоколадно! Пусть они с мастерами и курлыкают. А вы, бабуля, телик позырьте. Всю жизнь работали, теперь отдохайте! – заявила Аня.

Я растерянно уставилась на пищащую трубку. В летние месяцы, в сезон отпусков, многие фирмы охотно берут на работу школьников, желающих получить деньги на карманные расходы. Как правило, это дети сотрудников или хороших знакомых. Аня явно не штатная служащая, и она наверняка милая девочка – вон как заботливо предложила «бабушке» не путаться под ногами у мастеров. Похоже, мы связались с приличной конторой, нас не подвели со сроками, привезли ящики точь-в-точь к объявленной дате. И мастера уже вострят лыжи в Мопсино. Но я опытная полковая лошадь и понимаю: что-то тут не так. Уж слишком гладко идет процесс. Такого просто не бывает!

Глава 5

Слегка обескураженная беседой с Аней, я встала и направилась к двери. Внезапно она распахнулась, чуть не ударив меня по лицу.

– Евлампия Андреевна! Тама у рецепшен тетка помирает! – задыхаясь, проговорил охранник.

– Кто? – отшатнулась я.

– Не знаю, – пропыхтел парень. – Ее в служебку отволокли, чтобы людей не пугать. Петр Ильич велел вас позвать. У нее в сумке документов нет, одни ключи!

Забыв захлопнуть дверь, я побежала по коридору к наблюдательному пункту охранников. Лапин развесил по всему зданию камеры, за посетителями неусыпно приглядывает «недремлющее око». Люди и не подозревают о слежке, спокойно проходят мимо рецепшен и идут в нужный кабинет. Да только охранник у парадного входа скорее психологический фактор – если в офисе его нет, контора вроде как ненадежное, терпящее финансовый крах заведение. Парень с пистолетом внушает доверие, но он лишь декорация, настоящая охрана бдит у мониторов, видит все, что творится на этажах и даже в туалетах.

– Что случилось? – воскликнула я, вбегая в служебное помещение.

И остановилась как вкопанная, увидев лежащую на диване

Катерину Ветрову. Отчего-то мне сразу стало понятно: ей очень плохо.

– Ваша клиентка? – мрачно осведомился начальник охраны.

– Да, – прошептала я.

– Фамилию знаете?

– Ветрова, – еще тише ответила я, – Катерина.

– Умерла? – закричала Нина, врываясь в служебку. – Что случилось, Петр Ильич?

– Жива пока, «Скорую» вызвали. Похоже, сердце подвело, – хмуро пояснил главный секьюрити.

– Молодая совсем, – с ужасом произнес парень, сидевший у мониторов. – Ни с того ни с сего завалилась!

– Кто вызывал «Скорую»? – послышалось из коридора.

– Сюда, сюда, – ответил мужской голос.

Косарь повернулась к юноше:

– Сережа, ты видел происшествие?

– Ага, – не по уставу ответил охранник, – могу показать пленку.

– Врача вызывали? – прогремело с порога.

– Слава богу, – обрадовался Петр Ильич, – приехали!

– Покажи пленку, – тихо попросила Нина у Сергея.

Парень нажал на одну из многочисленных кнопок пульта. Темный экран большого монитора вспыхнул ярким светом, появилось изображение холла, снятого сверху. Я внимательно наблюдала за «кинофильмом».

Вот распахивается входная дверь, появляется темноволосая кудрявая женщина с ребенком. Мамаша что-то спрашивает у парня, стоящего возле рецепшен. Охранник отрицательно качает головой, тетка показывает на малыша. Дверь вновь открывается, и странной походкой, плечом вперед, в холл входит девочка лет четырнадцати. Она стряхивает с себя капли – наверное, на улице идет дождь. Женщина подхватывает ребенка и скрывается в левом проходе, девочка плюхается на диван около пальмы, вынимает вязание и начинает перебирать спицами. Из правого коридора выходит Ветрова, делает несколько шагов по холлу. Ни охранник, ни девочка вначале не обращают на нее внимания. Парень в форме стоит, широко расставив ноги и заложив руки за спину, подросток мирно вяжет. Катерина спотыкается, пошатывается, начинает оседать, пытается схватиться руками за стойку и падает на мраморный пол. Секьюрити выныривает из нирваны и кидается к Ветровой. Очевидно, все это происходило без особого шума, потому что девочка еще секунд двадцать-тридцать занимается спицами, потом поднимает глаза и цепенеет, глядя на попытки охранника посадить Катю. Девочка явно в шоке, она машинально продолжает шевелить руками, спицы мелькают с молниеносной скоростью. Из коридора выплывает мамаша с малышом. Она миглом оценивает ситуацию – не отпуская крошку, подбегает к рукодельнице, дергает ее за руку, и троица живо покидает холл. Спустя пару мгновений появляются парни в форме и уносят Катю,

охранник вытирает лицо носовым платком...

Монитор погас.

– Там дальше ничего интересного, – сообщил Сергей. – Женька наш, который у двери стоял, так перепугался! Петр Ильич его в столовку отправил, дал внеочередной перерыв.

– Евгений Козин находился на посту у входа, – пояснил местный начальник, который ухитрился не только наблюдать за врачом «Скорой», но и слушать беседу Нины с охранником, – чуть в обморок не рухнул. Молодежь теперь слабая пошла.

– Давно ей плохо? – спросил доктор.

– Она ушла от нас здоровой, – в растерянности уточнила Нина.

– Да, Ветрова не выглядела больной, – подтвердила я. – И вообще не походила на сердечницу. Они, как правило, полные, с синими губами и ногтями, под глазами черные круги.

Петр Ильич бросил взгляд на диван.

– Помада на ней, и лак на ногтях. А веки тушью измазывают.

– Тенями, – не к месту уточнила Нина.

– Не разбираюсь я в ваших бабьих штучках, – скривился начальник, – но под краской настоящий цвет не разобрать.

– Она не задыхалась, не кашляла, никакой одышки, – принялась перечислять я, – лекарств из сумочки не вынимала, хотя речь шла об ее умершем муже. Где ваш охранник Женя?

– В столовке, в подвале, – пояснил Петр Ильич.

– Схожу, поговорю с ним, – сказала я Нине.

Та кивнула и повернулась к Сергею:

– Ну-ка покажите еще разочек кино.

– Ребята, носилки! – приказал врач. – Увозим, давайте капельницу...

Медики начали суетиться вокруг неподвижно лежащей Кати.

Сергей включил монитор, но я не стала второй раз просматривать пленку, а пошла в столовую.

Парень в черной форме сидел за пластиковым столом, сжимая руками чашку с кофе.

– Привет, – сказала я. – Узнаешь меня?

Женя кивнул.

– Испугался? – поинтересовалась я.

– Ага, – честно признался парень. – Она прямо сразу... того... ну в один момент... Разве так бывает? Шла здоровая и вдруг упала.

– Мог случиться обширный инфаркт, – пояснила я. – Врач установит причину.

– Жуть! – поежился Женя.

– Можешь вспомнить подробности?

Евгений затрясся над чашкой.

– Ну... стою... она идет... и падает... Все. Думал, она умерла!

– Ты решил, что женщина скончалась?

– Ага!

– Много трупов видел?

– Один раз только. Бабушка у нас померла. От старости.

– Тогда почему подумал про смерть? Женщина могла просто потерять сознание!

– Не знаю, – растерянно признался Женя. – Ну... так мне показалось. Вдруг понял: конец ей. У меня сразу голова затрещала, будто раскололась.

– Ты вышел на работу больным?

– Нормальным. Ваще никогда раньше башка не болела!

– Может, давление подскочило?

– Понятия не имею.

– Или плохо спал?

– Нет, мы с Ленкой вечером рано легли.

– Лена твоя жена?

– Любимая девушка, – уточнил Женя и улыбнулся.

– Красивая? – Я решила временно перевести беседу на более приятную для него тему.

– Не. Зато готовит хорошо, квартиру имеет, машину, служит в банке, – методично перечислял достоинства избранницы Женя. – Мать говорит: хороший вариант. У нас-то с мамкой полуторка, куда жену приводить...

Ох, похоже, Ромео и Джульетта погибли зря! В наши времена романтика отодвинута в сторону железной рукой практицизма. Множество парней мыслят, как Женя. Ну зачем им горячая страсть, если жить придется в стесненных условиях? Хотя вроде это и правильно, две хозяйки на одной кухне –

беда.

В голову неожиданно пришло воспоминание о недавнем разговоре с Ларой Кругловой. Она позвонила мне почти в истерике и сообщила:

– Представляешь, Макс явился с заявлением: «Мама, я женюсь на Алине, играем свадьбу».

Моя подруга ахнула и воскликнула:

– Что за спешка? Алина же иногородняя студентка, где вы жить будете?

– У нас, – «обрадовал» ее сын.

Ларка постаралась не впасть в агрессию и решила выдвинуть, как ей показалось, доходчивый аргумент:

– Милый, вы еще слишком молоды! И потом, две хозяйки у плиты вечно ссорятся.

– Не волнуйся, ма, – засмеялся сыночек, – Алинка на кухню не сунется, готовить, стирать, гладить не умеет и не претендует на роль кухарки, прачки и уборщицы. Хозяйство твоим останется, никто его у тебя не отнимет. Ты как была главная по всем вопросам, так и останешься.

Правда, красиво?..

– Хорошо, Петр Ильич меня не отругал, – вздохнул Женя, возвращаясь к эпизоду в холле.

– Ты же не виноват в происшествии.

– Не о нем речь! Я ж тетку пустил. Ну ту, с ребенком.

– Нельзя было?

– Конечно, – кивнул Женя. – Мы должны останавливать

посторонних. Велено только клиентов привечать, тех, кто к риэлторам или к вам топает, остальных разворачивать.

– И часто в офис проникают посторонние?

– Люди иногда дверью ошибаются, – пояснил Евгений. – Рядом контора есть, где мобильными торгуют, к ним идут, а попадают к нам. Я вежливо говорю: «Ступайте налево по тротуару». Никогда не хамлю, как Алешка.

– А женщина с малышом куда направлялась? И попробуй подробно описать ее внешность.

Женя тяжело вздохнул.

– Волосы черные, длинные, как у цыганки, покрашена ярко, помада красная, глаза карие, кожа желтая, на лбу между бровями родинка. Вошла в холл и попросила: «Молодой человек, пустите в туалет! У малыша живот прихватило!»

– И ты проявил христианское милосердие?

– Сначала действовал по инструкции, – оправдывался Женя, – сказал: «Не положено! Идите к метро, там есть будки». А тетка давай просить: «Не дотерпит он, маленький совсем, одежду испачкает, что мне потом делать? Я аккуратно его над унитазом подержу». Ребяенок хнычет: «Хочу писать, хочу, хочу...» Еще она на дочку наорала!

– На девочку с вязанием?

– Точно!

– Чем же она вызвала гнев мамыши?

Евгений залпом допил кофе.

– Девчонка вбежала и с порога говорит: «Мам! Там дождь

пошел, я тут постою!». Капли с волос стряхивает, вязание из сумочки тянет. И здесь баба вразнос пошла, как зашипит на нее: «Ах ты, горе луковое! Другие в твои годы с подругами носятся, а ты все шарфы какие-то вяжешь, деревяшками своими стучишь тук-тук, тук-тук... Голова болит!» Только она так сказала, у меня башку и схватило, даже закружилась слегка. Дочка, правда, не ответила, села на диван...

Женя замолчал.

– Можешь не продолжать, – сказала я. – Значит, ты пустил постороннюю в туалет...

– Маленькому же до метро не дотерпеть! – попытался оправдаться Женя.

– Охранник не имеет права нарушать должностные инструкции!

– Что плохого от бабы с ребенком? – возмутился парень. – Не шахидка какая-нибудь с поясом, хоть и смуглая, но наша, москвичка, акала сильно. И ребенок светленький совсем.

– Сильно сомневаюсь, что террорист войдет в здание, размахивая бомбой, – едко заметила я. – Чаще всего людей и ловят на жалость. Беременная женщина на дороге, старушка, сломавшая ногу, младенец, плачущий в коляске... Но только потом выясняется, что вместо живота подушка, под старушку заgrimирована молодая, а младенец – мастерски сделанная кукла.

– У ней живой малыш хныкал! И я тетку в служебный сортир отправил, не в клиентский! Они с этой, которая там

грохнулась, не сталкивались – одна пошла в один коридор, а больная из другого вырулила, никто к ней не приближался! – Секьюрити застонал. – Ну ваще! Я у рецепшен, девчонка на диване спицами стучит...! Потом эта – хлоп, упала. Не приставайте ко мне больше!

– Голова болит?

– Нет, перестала. Я устал, домой отпрошусь...

– Думаю, Петр Ильич тебя не отпустит.

– Он не зверь! Евлампия Андреевна, хоть режьте, больше я ничего не знаю! – взмолился Женя. – Баба с малышом в сортир утопала, девчонка далеко от больной сидела, деревяшками щелкала, я с больной головой. Вот и весь натюр-морт. Ну ни с какого боку я к этой истории! Первый раз больную тетку видел!

– Во второй.

– Не, в первый! – стоял на своем Евгений.

– Ошибаешься.

– Почему это?

– В показаниях свидетелей важна точность. Ты утверждаешь, что не видел нашу клиентку раньше?

– Ну ёлы-палы! Никогда ее не встречал до сегодняшнего дня!

– А видел дважды. Первый раз, когда Катя входила в здание, второй – когда она шла на выход и упала.

Женя подпрыгнул на стуле.

– Ну вы даете! Какое же это знакомство? Вас, к примеру,

я каждую смену впускаю. И че, получается, мы с вами любовники?

– Речь идет о точности, – перебила я. И вновь сменила тему: – Девчонка со спицами свое имя не называла?

– Молча сидела.

– Тетка представилась?

– Нет.

– Малыша окликала?

– Нет.

– Ни разу?

– Нет.

– К девочке она по имени не обращалась?

– Нет!

– Точно?

– Чтоб мне с места не сойти! – перекрестился Женя.

– Может быть, – пробормотала я.

По мнению Жени, Катя просто потеряла сознание. Сердечный приступ не такая уж редкая вещь, и помощь в этом случае надо оказывать быстро. Однако редко кто лишается чувств около столика, за которым обедает бригада реаниматологов с чемоданом необходимых лекарств, а поблизости находится микроавтобус, набитый нужной аппаратурой. Но сегодня «Скорая» оправдала свое название.

Наверное, Катерина очень переживала смерть мужа, вот сердце у нее и не выдержало. Но посмотрим на ситуацию с другой стороны. Муж Кати – абсолютно, по ее словам, здоро-

вый, не старый человек – неожиданно скончался от инфаркта. Вскоре дурно делается и самой Ветровой. Тоже внезапно, без видимой причины. А если к этому присовокупить дурацкую записку с детской считалочкой про зайчика, то... то в голове у детектива начинают зарождаться нехорошие подозрения.

Глава 6

Забыв попрощаться с Женей, я пошла в офис. Если супруга Ветровой все же убили, то преступник явно тяготеет к театральным эффектам! Олег скончался в прямом эфире на телепередаче, а Катерине стало плохо в офисе, на глазах свидетелей. Хм, очень странно, обычно убийце не нужен шум. Бизнесмен, умерший дома или в рабочем кабинете, не вызовет интереса СМИ, а про кончину под прицелом камер не написал только ленивый журналист.

В кармане завибрировал мобильный. Марков!

– Докладываю про жильцов, – оттарабанил Коляша. – «Парадиз», считай, стоит пустым!

– Это как? – удивилась я. – Квартиры не проданы?

– У каждой есть собственник. Второй этаж – Иван и Ольга Серебряковы. Постоянно проживают в Америке, муж отошел от дел, теперь стрижет купоны. Московская квартира используется ими редко, во время коротких визитов на родину. В последний раз Серебряковы ночевали в «Парадизе» два года назад. Апартаменты находятся под охраной. На третьем хозяева Георгий и Фаина Брюковы. Они имеют еще загородный дом в поселке Бубново, где проживают постоянно. Зачем им «Парадиз» – непонятно, ни разу там не бывали. Квартира, естественно, подключена на пульт. Наверное, вложили деньги, недвижимость всегда в цене. Четвертый этаж

занимает сам Баларов. Но, опять же, ни он, ни его жена туда носа не показывают. Бизнесмен больше любит другую квартиру, пентхаус на Ленинском проспекте. Сыну Баларова в «Парадизе» принадлежит пятый этаж, но сейчас он с супругой в Испании. Уехали еще в апреле, вернутся в октябре. У них такое расписание: шесть месяцев в пригороде Барселоны, остальная часть года в Москве. Младший Баларов художник, ему без разницы, где писать картины.

– С таким-то папой мог вообще ничего не делать, – проворчала я.

– Говорят, младший Баларов талантлив, – возразил Николай, – его полотна идут нарасхват, он много зарабатывает. Выходит, что постоянно в «Парадизе» проживали лишь Ветровы. В доме тьма охраны – вдесятеро больше, чем жильцов. Повсюду камеры. Имеются горничные, открыты прачечная, фитнес-центр, СПА-салон. Плюс гараж. Количество служащих зашкаливает! Все на местах, отсутствие клиентов ничего не значит, служба всегда на низком старте. Думаю, она там ошизела от безделья.

– Странно, – заметила я.

– У Баларова денег лом, может себе позволить содержать свору бездельников, – вздохнул Коляша. – Устраиваются же люди... Вот мне ни разу не предложили пойти на службу в сладкое место.

– Ты без работы скончаешься от тоски!

– Верно, – согласился Коля.

– Но мне кажется странным не количество персонала.

Удивительно другое.

– И что?

– Баларов озабочен безопасностью, но завел огромный штат прислуги. А ведь чем меньше коллектив, тем легче за ним следить. Орда служащих, шляющихся по «Парадизу»...

– Там никто никуда не ходит, – перебил меня Марков. – Фитнес, спа и прочие услуги находятся в подвале. Люди из гаража не имеют права заглядывать к тем, кто работает в бассейне. У них просто тюремная, блин, система! Утром, строго к восьми, строем идут через ворота, причем не через парадные, а «черные». Вошли, пробили пропуска у охраны, разошлись по точкам, двери заперли – и не высовываются. Камеры фиксируют даже полет мухи. Если кто-то нарушит правила – выгонят с волчьим билетом. В квартиры им без шансов попасть.

– Но ведь хозяева не сами убирают помещения!

– Конечно, нет! – заржал Коляша. – На то есть горничные.

За каждой квартирой закреплены свои.

– Кто у Ветровых?

– Кинг. Да, да, фамилия такая: Кинг!

– Можешь найти ее телефон и адрес?

– Легко, – пообещал Коля. – Думаю, их служба безопасности ее при приеме на работу сквозь сито продавила, помыла и воду на анализ сдала.

– Поэтично! – вздохнула я. – А что насчет Ветровых?

Николаша зашуршал бумажками. Процесс затянулся, и я в конце концов не выдержала.

– Столько материалов собрал, что запутался в них?

– Шоколадку ем, – пояснил Коля, – жрать охота. С Ветровым никакого напряжения нет. Олег родился, женился,пил, развелся, через короткое время – ну не дурак ли? – снова хомут на шею повесил. Детей ни в первом, ни во втором браке не было. Бизнес был достаточно стабилен, хоть и колебался туда-сюда, но без резких падений. Вежлив, вполне приятен в общении, но дистанцирован, близких друзей не было. Кстати, первый его брак распался из-за пьянки: Олег бухал по-черному, даже в психушку попал. Но вот уже пятнадцать лет ни-ни. Наука всем бабам! Первая жена не пожелала жить с пьяницей и упустила богатого перца. Так, чего там еще? А все. Ни в чем предосудительном Ветров замечен не был, отношения со второй женой Катериной почти идеальные. Охрана «Парадиза» неоднократно видела супругов целующимися в лифте – то ли те не знали про камеры, то ли дотерпеть до дома не могли, страсть в процессе многолетней совместной жизни не растеряли. Жена из приличной семьи. Ее мать – учительница, больших денег не имела, но дорогой доченьке ни в чем не отказывала. Та оправдывала хорошее отношение: школа – институт – работа. В длительные интимные связи до брака не вступала, хотя пользовалась успехом у мужчин. Всегда корректна с прислугой. Обожает собак, покупает корм бродячим шавкам, но завести животное не поз-

воляла аллергия Олега. Обычные, нормальные люди. Ну, может, более активные и работоспособные, чем некоторые, поэтому и достигли устойчивого финансового благополучия.

– Олег был богат, – возразила я. – Далекое не каждый способен удачно раскрутить бизнес.

– Ну да, по сравнению со мной и с тобой, Ветров – денежный самосвал, – Коляша чихнул и снова зашуршал бумагами. – Но в сотне крупнейших предпринимателей России не числился, в список журнала «Форбс» не попадал. Средний фирмач, каких тысячи. Они владеют парикмахерскими, кафе, хлебопекарнями, магазинами.

– Ну ничего себе! Квартира в «Парадизе» не один миллион баксов стоит!

– Ветровы ни детей, ни родителей не имели, все на себя тратили. Ну ладно, будь по-твоему, – сдался Коляша, – он был богат. Но, так сказать, олигарх-лайт, безо всяких политических амбиций. В интервью журналистам говорил только о своей «Успокойке». Кстати, она вкусная!

– Ты тоже любишь на ночь баночку схомякать? – засмеялась я.

– Нет, – слишком поспешно ответил Николаша, – жена Ваньку кормит, а сын не всегда доедает до конца, остатки мои.

– Понятненько, – ухмыльнулась я. – А что у нас с Дмитрием Тыковым? Конкурент Ветрова хотел заполучить его дело?

– Думаю, оно ему не пригодится.

Я сделала стойку.

– Значит, у Ветрова в бизнесе были сложности?

– Не, проблема с Тыковым, – ответил Коляша и замолчал.

– Прекрати лопать конфеты! – возмутилась я.

– Уже съел, теперь воду пью, – пояснил Николай.

– Так что там с Тыковым?

– Пару месяцев назад его разбил инсульт, лежит овощем в частной клинике, – наконец-то сообщил Марков.

– Он заболел?

– Уже почти умер. В лучшем случае его ждут инвалидное кресло и слюни изо рта, – оптимистично предположил Коля.

– Вот чертовщина!

– Почему? – спросил Коля. – Нарушение мозгового кровообращения, его медики еще называют «удар директора». Стресс, спазм и – хренак! Жрут богатеи много, пьют, спортом не занимаются, давление зашкаливает, холестерин за-предельный.

– Катерина Ветрова очень уверенно говорила про козни Тыкова.

– И что? Вероятно, он имел хитрые планы, но в конце марта им пришел конец.

– Олег умер после того, как Тыкова хватил удар?

– Не вижу ничего странного.

– Неужели Катя не знала о несчастье с Дмитрием? Почему муж не рассказал ей о болезни конкурента?

– Ах это! Вера Тыкова увезла супруга за рубеж, распро-

странив слух, что Дмитрий ложится на операцию, вшивает искусственный сустав. Дескать, в России напорчат, а в Америке в прямом смысле слова человека с артритом на ноги поставят. Тыков якобы руководил производством издалека. Вера у него всю жизнь в помощниках, дело знает лучше Дмитрия, злые языки поговаривают: баба фабрику из грязи подняла, но в лидеры не лезет, отдала мужику главенство. Ушлая!

– Но к чему маскировать правду?

– Небось бабенка все же надеется, что Тыков выздоровеет и вернется в бизнес, – протянул Марков. – А вообще-то деловые люди считают, что инсульт хуже СПИДа. Ну, типа, ты потом идиот. Вера спрятала Дмитрия, секрет пока не вылез наружу. Но ни ей, ни ему сейчас нет дела до Олега. Расширение бизнеса для Тыковых не главное. Ферштеен?

– Угу, – согласилась я. – Значит, ни врагов, ни недоброжелателей у бизнесмена Ветрова не было?

– На первый взгляд – да, – подтвердил мой помощник. – Но ты же знаешь, у каждого человека в шкафу найдется грязное белье. У одного семейные драные трусы, у другого стринги со стразами от Сваровски, но только речь идет не о цене бельишка, а о пятнах на нем. Усе. Засим прощаюсь, ваш Николай.

Я сунула телефон в карман. Но он тут же затрещал. На сей раз меня разыскивала Салтыкова, начавшая беседу с упрека:

– Сколько можно трепаться!

– Дела, – ответила я.

– Ладно, слушай отчет по письму. Бумага обычная, формат А-4. Текст воспроизведен на лазерном принтере. Есть отпечатки пальцев нескольких людей, но идентифицировать не могу – в базе их нет, сравнить не с чем. Следовательно, фигуранты не криминальные, к нам не попадали, – отчеканила Галка. – Конверт стандартный, на оборотной стороне клапана имеются следы слюны. Адрес отсутствует, более никаких следов нет. Фамилия «Ветров» напечатана при помощи того же принтера.

– Слюна! – обрадовалась я. – Можно выделить ДНК!

– Уже.

– Установила, чья она?

– Да.

– Господи, говори быстро и подробно!

– Лучше конкретно, – отрезала Галя.

– Назови фамилию.

– Кого? – прикинулась душой Салтыкова.

– Хозяина слюны.

– Ну... думаю, Полкан, – со странной интонацией ответила она.

– Вот повезло! – возликовала я. – Значит, фигурант имеется в базе? По какой причине он попал в поле зрения милиции? Эй, не спи!

– Лампа, идентифицировать ДНК не удастся, – объявила Галя. – Да и сделать анализ быстро нельзя.

– Но ты назвала фамилию «Полкан»!

– Глупая шутка. Может, он Бобик, Рекс или Дружок.

– Это собака?

– Верно.

– Пес не мог отправить послание!

– И долбить лапами по «клаве» ему трудно, – подхватила

Салтыкова.

– Ты ничего не перепутала? – поинтересовалась я. – Вдруг схватила не ту пробирку?

Галка обиженно засопела:

– Если считаешь меня способной на «косяк», то...

– Прости, прости, прости! – извинилась я. – Это у меня от жары в голове помутилось...

– Принято, – незлобиво ответила Салтыкова.

– Что еще можно выжать из послания?

– Неси принтер, и я скажу, его ли использовали. Приводи болонку – выясню, она ли лизала конверт.

– Спасибо, – с тяжким вздохом ответила я.

– Оплата в обычном размере, – завершила разговор Салтыкова.

Держа телефон в руке, я пошла в кабинет к Нине. Компания восседала за письменным столом.

– Рагозина Наталья, – не отрывая взгляда от бумаг, заявила Косарь, – подозревает мужа в измене. Похоже, дельце ерундовое, будем работать. А еще мы не выполнили заказ Андреевой. Ну той, что ищет сбежавшую невестку.

– Не могу тащить на горбу несколько расследований, – призналась я. – Может, Рагозина немного подождет? Или привлечем к работе Нику Соколову. Она педантичная и недорого берет.

– Мне деньги нужны, – перебила Нина. – Детям нужны новые шмотки покупать? Еще у меня машина разваливается, а где нарыть лавэ на новую?.. И ты сидишь без мебели в новом доме!

– Берем Рагозину, – остановила я ее.

Нина рассмеялась.

– Вот за что тебя люблю! Легко поддаешься убеждению.

– Мне нужны деньги.

– Мне тоже, – подхватила Косарь. – Вот когда раскрутимся до высот Пинкертона, тогда можно будет брать дела просто для интереса. Но пока у меня два спиногрыза, а у тебя одни табуретки, шансов нет. Чего нос повесила?

– Тоскливо бегать с камерой за неверным мужиком, – призналась я.

Нина развела руками:

– Сама понимаешь, основная клиентура частного – бабье, желающее уличить вторую половину. Ей-богу, не пойму, зачем они это делают?

– Смена впечатлений. Супруга надоела, захотелось ощутить себя мачо.

– Я о бабах, клиентках наших, – засмеялась Косарь. – Ну получит тетка доказательство измены благоверного, и что

дальше? Продолжать жить с кобелем – себя не уважать, а разойтись обидно. На фиг нужна такая правда? Кстати, о кобелях. Помнишь Валеру Родионова?

Я расплылась в улыбке.

– Да. Его нельзя забыть – поймал жену и любовницу в одной постели! Что у него приключилось?

Нина выдвинула ящик стола.

– Вчера он приходил с подарками. Вот, держи, это твой.

Я с подозрением посмотрела на небольшую коробочку.

– Что там?

– Валерий теперь поставляет в магазины навигаторы, принес нам парочку. Думается, он пытается ухаживать за нами, – фыркнула Нинуша, – забрасывает сеть и ждет, какая из сыщиц в нее попадет.

– Что такое навигатор? – удивилась я, вынимая из упаковки аппарат, похожий на сотовый.

– Полезная штука, – щелкнула языком Нина. – Сейчас покажу, как им пользоваться. Допустим, тебе надо попасть на улицу... ну... Вронского. Знаешь, где она?

– Нет. Придется лезть в атлас.

– Ха! Прогресс ушел далеко вперед, теперь карты можно выкинуть к чертям! – воскликнула Косарь. – К тому же я в них плохо разбираюсь. Нажимаем сюда, туда, здесь. Йес! Слушай...

– Улица Вронского. Маршрут проложен, – сообщил приятный женский голос. – Начинайте движение, пристегнитесь

ремнем.

– Круто? – прищурилась Нина.

– Она подсказывает дорогу?

– Точно. Предложит оптимальный вариант.

Я пришла в восторг:

– Здорово! Почему мне никогда не приходило в голову купить такую примочку! Даже не слышала о навигаторе.

– А я знала, – похвасталась Косарь. – Но цена пугала.

Очень дорогая фенька.

– Тогда лучше вернуть подарок Валерию, – засомневалась я. – Вдруг он решит, что нам нравится?

– Вот еще, вернуть... Пусть думает что хочет, а я давно мечтала о навигаторе, – с детской обидой отозвалась Нина. – Мужичку приятно делать подарки, он себя Дедом Морозом ощущает. Не лишать же Родионова удовольствия.

– Действительно, – пробормотала я. – А станет лапы распускать – вернем презент!

– По пальцам стукнем! – возразила Нина. – Пусть не надеется, нас за навигатор не купить. Вот кабы новая квартира и машина обломилась, я бы еще подумала... Ладно, вот тебе Рагозина.

Я посмотрела на тоненькую папку и затосковала. Косарь права на сто процентов: мы зависим от клиентов. Подозрительная жена богатого человека заплатит хорошие деньги, которые нам с Ниной крайне необходимы. Но какой интерес ходить за мужиком и щелкать фотоаппаратом?

Я великолепно знаю сценарий такой «пьесы». Сначала наделаю снимков, потом покажу их мадам. Рагозина зарыдает, выпьет весь запас коньяка и валерьянки в нашем офисе, а потом гаркнет: «Не верю! Вы ошиблись! Повторите „фотосессию“!»

И я опять потащусь за сластолюбивым мужиком, пытаюсь запечатлеть наиболее пикантные моменты: поцелуи, объятия, вход-выход из отеля, совместное с любовницей посещение магазина дамского белья. От скуки уже заранее начинается зевота.

Вот в случае с Ветровыми у меня пять метров вопросов! Кто убил бизнесмена? По какой причине Олега лишили жизни в прямом эфире? В баночке «Успокойки» была отравка? Руки чешутся от нетерпения. Будь моя воля... Но я не одна в конторе, есть Нина, в одиночку воспитывающая двух протирающих брюки и рвущих ботинки сынишек.

Я протянула было руку к папке, но тут же отдернула.

– Нинуль, можно начну работу с Рагозиной завтра? Сегодня мебель привезли, надо мчаться домой, мастера приедут кухню собирать.

Глава 7

– Нет проблем, – мигом согласилась Нина. – Я завтра чуток задержусь, веду Мишку к стоматологу. Значит, смотри: дело Рагозиной лежит в верхнем ящике. Вот, кладу ее папку на документы Мартынова. Ты их не перепутаешь. Мартыновское дело в ярко-красной обложке с человеком-пауком.

– Прикольно! – засмеялась я. – Где взяла папочку?

– У Мишки, – пояснила Нина. – Принесла мартыновские бумаги домой, села чай пить, а кошка, зараза, на колени прыгнула, вот я на папку и плеснула. Не тащить же листы россыпью! Сын человека-паука от сердца оторвал.

– Андрею Мартынову понравится, – продолжала веселиться я, глядя, как Нина укладывает поверх ярко-красной папки серую, обыденную, с буквами «НР», написанными темно-синим фломастером.

– Ага, в особенности он придет в восторг от известия, что его жена никогда не училась в Питере на актрису. Оказывается, бабенка на дороге подрабатывала, – пропыхтела Косарь, пытаясь втиснуть скоросшиватель в ящик.

– Положи Рагозину в другое место, – посоветовала я.

– Господи, ну почему я всегда ищу сложный путь? – закатила глаза Нина. – Упрусь и не соображаю.

Продолжая ругать себя, она выдвинула второй ящик.

– Ладно, пусть тут лежит, – согласилась Косарь. – Кстати,

возьми с собой бумаги Ветровой. Катерина фото оставила, они там вместе с мужем сняты. Пригодится при работе.

Я, прихватив листы, снимок и навигатор, вышла на улицу.

Едва горячий московский воздух проник в легкие, как заорал мобильный – меня снова искал Коля.

– Эсфирь Кинг, – зашептал он. – Адрес и телефон пришлю эсэмэской. Сейчас скину, я на учебе сижу. Покедова!

Навигатор имел удобное крепление, но я все равно провозилась некоторое время, прилаживая коробочку к торпедке, а потом потратила полчаса на изучение инструкции. Увы, я не принадлежу к техническим гениям и с огромным трудом расшифровываю всякие руководства. Если в нашем доме появляется новый прибор, мне легче освоить его «методом тыка», чем понять инструкцию. Как, например, вам понравится такое: «Для включения режима вращения барабана нажмите клавишу номер два на панели управления режимом вращения барабана посредством кривошатунного механизма, приводящего барабан при помощи натяжного ремня режима вращения барабана в нормальные условия эксплуатации вашего барабана»? После прочтения такого перла мой личный барабан в голове, как правило, дает сбой и я элементарно превращаюсь в идиотку. Поэтому предпочитаю просто нажимать пальцами на кнопки, и рано или поздно мне становится понятно, что к чему.

Пока я осваивала навигатор, мой мобильный засыпало эсэмэсками. Коля прислал адрес и телефон горничной, Кирию-

ша спрашивал разрешения купить диск с игрой, Лизавета сообщила о походе в кино, Юля жаловалась на плохую погоду и простуду. Самое короткое послание поступило от Кати, уехавшей в командировку в Оренбург: «Ок». Это был ответ на мой вопрос, отправленный ей утром: «Как дела?»

К сожалению, текстовые сообщения иногда задерживаются в пути. Однажды Костин полетел отдыхать в Болгарию и, приземлившись в Варне, позвонил домой, отрапортовав:

– Приземлился, еду в отель.

Представьте мое изумление, когда в четыре утра я получила эсэмэску от Вовки: «Сiju в самолете. Взлетаем». Сначала меня охватила паника: куда еще он решил отправиться? Но потом я сообразила посмотреть на дату и время отправки послания и обнаружила, что Костин набрал его днем перед вылетом...

– Ну, – сказала я, глядя на навигатор, – давай испытаем тебя в деле. Большой Мисловский переулок. Это тут рядом, за углом. Там припаркуемся и поговорим по телефону. Йес! Поехали.

– Большой Мисловский переулок, – повторил женский голос. – Маршрут проложен, пристегнитесь ремнем. Первый поворот направо.

Я пришла в восторг – работает! Вот здорово, теперь не нужно возиться с атласом!

– Вы приехали.

– Спасибо, – поблагодарила я, – вижу.

– Отстегните ремень.

– Ты заботливый, – умилилась я, глядя на аппаратик.

– Возьмите документы и не забудьте запереть машину.

– Мерси, но я хочу посидеть в салоне.

– Возьмите документы и не забудьте запереть машину, –

не успокаивался навигатор.

Я ткнула пальцем в красную кнопку.

– Теперь вы пешеход, что не избавляет вас от необходимости соблюдать правила, – неожиданно заявила коробка, потом моргнула зеленым огоньком и заткнулась.

Я покосилась на навигатор и вынула мобильный. Насколько бы лучше нам жилось, придумай Господь и для человека кнопку «выкл.»! Надоела тебе жена – взял и отключил ее от сети. А дети... Кое-кого из отпрысков родители не включали бы годами!

– Алло, – прохрипело из трубки.

– Позовите, пожалуйста, Эсфирь, – попросила я.

– Не могу, – ответил человек и закашлял.

– Когда она вернется?

– Кха-кха... – неслось из мобильного. – Ой, боже, нет сил!

Фирочка ушла.

– Это я поняла. Во сколько ей лучше перезвонить?

– Боже... Фира ушла! Навсегда!

– Куда? – растерялась я. – Можете дать адрес?

– Отстаньте! – заорал то ли мужской, то ли женский голос. – Ушла! Совсем! Навсегда!

Я тяжело вздохнула и набрала другой номер. Похоже, Кинг поругалась с родственниками и сменила место жительства.

– Слушаю вас, – ответило конральто.

– Добрый день. Меня зовут Евлампия Романова, – бойко представилась я. – Вы Эсфирь Кинг?

– Нет.

– Сделайте любезность, позовите Фиру.

– Она умерла, – грустно прозвучало в ответ.

На мгновение я опешила, а потом от неожиданности тупо заявила:

– Но ее телефон у вас.

– Верно, – согласилась незнакомка. – Просто я не могу решиться отключить его. Глупо, да? Мне кажется, пока трубка звонит, Фира жива. А вы кто?

– Лампа Романова, – повторила я, – хотела поговорить с Эсфирь о работе.

– Если вам нужна помощница по хозяйству, то я тоже ищу службу.

– Кем вы приходитесь Фире?

– Близкой подругой, меня зовут Суля, вернее, Святослава, но так длинно и нудно.

– Вы хорошо знали Фиру?

– Мы не имели друг от друга тайн! А что?

– От чего она скончалась?

– От инфаркта.

– Сколько же ей было лет?

– Двадцать один год. Но врачи сказали, иногда случается подобное, – прошептала девушка. – Хотя, знаете, Фирка никогда на здоровье не жаловалась. У нее ничего не болело!

– Где вы сейчас находитесь?

– Дома, у меня каникулы.

– Давайте адрес, я приеду и поговорим о работе.

– Лучше встретиться на нейтральной территории, – испуганно ответила Суля. – У меня... э... ремонт. Вы станцию метро «Молодежная» знаете?

– В принципе да, хотя я не пользуюсь подземкой.

– Там есть большой супермаркет, – зачастила собеседница, – а в нем кафетерий. Я буду там через тридцать минут, идет?

Я решила подстраховаться.

– Боюсь, мне потребуется больше времени, чтобы туда добраться. Вдруг я в пробку попаду?

– Ладно, тогда через час, – предложила Суля. – Да я подожду, не волнуйтесь. В случае чего звоните на мобилу Фиры, он у меня с собой.

– Хорошо, – быстро ответила я, – уже еду.

Настроить навигатор заново я ухитрилась за пару секунд и тут же услышала:

– Пристегните ремень. «Молодежная». Маршрут проложен. Направо.

– Эй, тут можно ехать только прямо! – возразила я.

– Вы пропустили поворот, вернитесь назад.

– Щаз! – гаркнула я. – Здесь одностороннее движение.

– Намечаю новый путь, – неожиданно перестал спорить навигатор. – Вперед до перекрестка!

– Отлично.

– До поворота пятьдесят метров.

– Ясно.

– До поворота тридцать метров.

– Супер.

– Налево.

– Мне надо направо, – растерялась я.

– Налево.

– Но там дом!

– Налево, – упорно талдычил «штурман».

Я стиснула зубы и крутанула руль, моя «букашка» уперлась в здание.

– Доволен? – осведомилась я. – Дальше что? Командуй.

– Левее, – приказал навигатор, – через три метра.

Мои глаза оценили узкую тропинку за домом.

– Там не проехать!

– Прямо! – гаркнул прибор, – налево, вправо.

Меня воспитывала строгая мама, желавшая дочери только добра. Когда маленькая Фрося⁵ начинала спорить с матерью, та пыталась объяснить ребенку его ошибку, но если неразум-

⁵ Историю жизни Лампы Романовой читайте в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

ная дочь упиралась и не слушала ее советов, во всю мощь легких оперной певицы мама заявляла: «Молча-а-ать!» И я мигом повиновалась.

Только не подумайте, что меня держали на цепи в железной клетке, не кормили, не поили, а играть разрешали порожними водочными бутылками и старыми газетами. Нет, мое детство было счастливым, изобильным, я росла балованной девочкой, была поздним, долгожданным ребенком у немолодых родителей и получила полный набор хорошего воспитания: музыкальная школа, дополнительные занятия по общеобразовательной программе, игрушки, книжки, конфеты... Ремень папа-генерал схватил в руки только один раз – когда увидел, как дочь перебегает дорогу на красный свет.

По идее, мне предстояло стать нахалкой, капризницей и эгоисткой. Но вот парадокс! Я выросла робкой, зажатой, молчаливой девушкой. Собственное мнение у меня было по всем вопросам, но я старалась его не высказывать. И если кто-то повышал голос, тут же подчинялась командному окрику.

После смерти любимых родителей прошло немало лет, Фрося превратилась в Лампу ⁶, научилась вести домашнее хозяйство и в полной мере оценила выдержку своей мамы. Мне пару раз в неделю хочется убить Кирюшку и Лизавету, а мама очень редко кричала на меня. Но вот что странно:

⁶ См. книгу Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

стоит мне услышать приказ на повышенных тонах, как меня сковывает страх, и я покорно отвечаю: «Есть! Будет исполнено!»

Вот и сейчас я побоялась спорить с навигатором.

– Движение по кругу, – объявила коробка и оказалась права.

«Букашка» скатилась на пыльную площадь, посередине которой, облокотясь о капот патрульной машины, тосковал гаишник. Очевидно, он отлавливал водителей, не знающих правил движения.

– Едем! – приказал навигатор.

Я совершила полный оборот и удивилась. И куда будем поворачивать?

Коробка молчала. Пришлось повторить маневр – и снова тишина.

– Эй, ты умер? – крикнула я.

Гаишник лениво выпрямился и уставился на меня.

– Движение по кругу, – отмер мой «гид».

– В третий раз катаюсь! – надулась я.

Гаишник двинулся к моей машине.

– Мог бы и подсказать, вовремя помочь человеку, – вскипела я. – Зря, что ли, тебя поставили? Хочешь по башке кулаком получить?

– Это уже оскорбление при исполнении! – пробасил приблизившийся гаишник. – Я не знаю, куда вы собрались, как же могу вас направить? Может, вы просто так катаетесь, ти-

па развлекаетесь, или за руль недавно сели.

– Движение по кругу, – прокаркал навигатор.

– Заткнись, без тебя тошно, – буркнула я. – Куда сейчас, налево? Направо?

– По кругу.

Я ощутила себя циркулем и вновь очутилась возле ошалевшего дорожного полицейского.

– Круговое движение, – упорно твердила коробка, – едем с дозволенной скоростью. Остановка в потоке чревата аварийной ситуацией.

– Идиот! – заорала я. – Кретино-первоклассо! Сколько мне еще тут ездить?

– До конца маршрута шестьсот тридцать два метра, – ответил навигатор.

Я вцепилась в руль. Может, внутри пластиковой емкости сидит пьяный гномик с атласом в ручонках? Иногда навигатор вполне разумно со мной общается, а временами...

– Движение по кругу!

– Не хочу! – вырвалось у меня.

– Давайте документы!

Я потрясла головой и погрозила навигатору кулаком.

– Фигушки! Сусанин хренов! При чем здесь права?

– И техталон на машину.

– Отстань!

– Я сейчас вас арестую!

– Попробуй! – взвилась я. – Еще наручники надень! Ко-

роче, хватит лабуду нести! Куда ехать?

– Вы пьяная или обкуренная? – поинтересовался навигатор.

Моему терпению пришел конец, я подняла левую руку и... почувствовала, как запястье сжали клещи.

– Сидеть! – заорали сбоку.

Я повернула голову и увидела пунцово-красного гаишника, который крепко держал меня за руку.

Тут только до моей глупой головы дошло, в чем дело. На улице тепло, поэтому в машине открыто окно – я не люблю включать кондиционер, легко простужаюсь от перемены температуры. Патрульный услышал мой бурный диалог с навигатором и принял его на свой счет. И ведь он начал со мной беседовать, но я, разгоряченная ездой по кругу, приняла речь милиционера за болтовню навигатора. Надо срочно выпутываться из идиотской ситуации...

– Ой, простите, – заулыбалась я, – не хотела вас обидеть.

– Да? – относительно мирно спросил сержант.

– Я грубила не вам.

– А кому?

– Штурману.

– В машине никого нет, – протянул патрульный и отпустил мою руку.

– Вот он, – я ткнула пальцем в коробочку, – заставил меня сто раз здесь крутиться. Я чуть от злости не умерла!

– Движение по кругу, – вякнул навигатор.

Я откинулась на спинку кресла.

– Слышали? Мэри пошла по кругу!

– Кто? – разинул рот сержант.

– Когда я училась в консерватории, – охотно пояснила я, – нам невесть зачем преподавали английский. На одном из занятий мы переводили текст, в нем было слово «meгу-go-ground». Это на самом деле карусель, но один наш умник заявил: Мэри пошла по кругу!

– И чего? – не въехал сержант.

– Просто смешно! Мэри пошла по кругу, – уточнила я.

– Так здесь круговое движение, – пожал плечами гаишник, – иначе никак. Все правильно. Давайте-ка дунем в трубочку...

Я подчинилась.

– Ничего, – с разочарованием отметил мент.

– Я вообще не пью! – заявила я.

– Движение по кругу, – попугаем повторил навигатор.

– Езжайте, – разрешил сержант.

– По кругу? – печально уточнила я.

– По-другому тут никак, – кивнул гаишник.

Глава 8

Руки покорно завертели руль, через пять минут нарезания кругов в голове помутилось.

– Направо, – вдруг каркнул навигатор.

Я возликовала. Слава богу! Может, тут правилами предписано вертеться на месте, пока не откроется нужный проезд?

– До конца маршрута триста метров.

– Ошибаешься, – изумилась я, – метро «Молодежная» находится в Крылатском.

– Двести пятьдесят.

– Ты уверен? – спросила я.

А вот интересно, почему я обращаюсь к прибору в мужском роде? Он же говорит женским голосом.

– Сто.

Я стала озираться. Ничего не понимаю!

– Конец маршрута. До свидания. Отстегните ремень и покиньте автомобиль! – занудил навигатор.

Я высунулась из окна. Действительно, улица завершалась тупиком. «Букашка» стояла перед уютным двухэтажным особнячком, вход в который украшала массивная дверь с латунной табличкой с надписью: «Клиника лечения неврозов, пограничных состояний и расстройств умственной деятельности». Глубокое возмущение охватило меня.

– Издеваешься? – прошипела я, глядя на коробочку. – Сволочь!

– Отстегните ремень безопасности.

– Фиг тебе! Теперь я поеду без советов бешеных миксеров, – объявила я и выключила прибор.

Так, как отсюда выбираться? Ага, налево, прямо, направо... А вот и круг с ментом. Радостно улыбаясь, я высунулась в окно и помахала гаишнику.

– Привет!

– Здорово! – кивнул парень.

– Движение по кругу, – каркнуло с торпеды.

Я искоса глянула на коробочку – там мигал зеленый огонек. Пришлось снова выключить «Сусанина». До шумного проспекта я добралась без приключений, но когда неожиданно быстро и беспрепятственно вклинилась в поток машин, с торпеды донесся знакомый приказ:

– До съезда с трассы двести метров.

– Я же тебя отсоединила! – вырвалось у меня.

– Включите сигнал поворота.

– Посреди магистрали идет бетонный отбойник, – вступила я в беседу с навигатором, – так что позволь тебе напомнить: я сижу вовсе не на кенгуру, а в самой обычной машине, не способной прыгать.

– Налево.

– Тут нельзя выполнить этот маневр.

– Направо, – неожиданно согласился навигатор.

По непонятной причине я перестроилась. Очевидно, коробочка обладает способностями к гипнозу, иначе почему я совершаю глупости? Не было ни малейшей необходимости менять ряд!

– Налево, – коротко приказал мучитель.

Пришлось вернуться на прежнее место.

– Разрешенная скорость сто километров в час.

Я глянула на знак, висящий над дорогой. Ну надо же, совершенно точно! Вероятно, навигатор замечательная вещь, просто я не привыкла к нему. А тот как сообщил:

– Вы находитесь на скоростном шоссе Гжевск – Оринск. Просьба соблюдать правила, не отстегивайте ремень.

– Скажи наркотикам «нет», – ухмыльнулась я, – и не пей на ночь коктейль из текилы с грибочками. Оглянись по сторонам, вокруг Московская кольцевая автодорога! Извини, но я даже не подозреваю, где находятся упомянутые тобой Гжевск и Оринск. И не собираюсь узнавать местоположение данных городов. Чао!

С этими словами я ткнула пальцем в красную кнопку. Но навигатор не выключился, а продолжил разговор:

– У вас должна быть аптечка.

Я попыталась отодрать болтуна от торпеды.

– Внимание! Мост через реку Галушка, – закричал он, – впереди тоннель. Проверьте высоту самосвала. Сверхгабаритный груз следует везти объездом через Вольск.

Я, забыв о руле, нырнула под сиденье. Где здесь штекер?

Куда я воткнула провод? Так и не найдя «гнездо», я выпрямилась, увидела прямо перед собой нечто огромное, черное, жуткое, нажала изо всей силы на тормоз, отпустила баранку и зажмурилась в ожидании удара. Но вместо громкого бабах, я уловила противный, однако совсем не оглушительный звук царапанья, словно на капот взобралась парочка решивших поточить когти кошек.

Один мой глаз начал приоткрываться, и тут слева раздался мат:

– ...! ...! ...!

От неожиданности я распахнула глаза и увидела мужика лет шестидесяти, одетого в рубашку цвета хаки со следами споротых погон. Лицо его имело оттенок спелой свеклы, рот кривила злобная ухмылка, на макушке сидела шапка-ушанка.

– Что случилось? – пролепетала я.

– Поворот направо, – занудно сообщил навигатор.

Но мне было не до болтливой коробки.

– ...! ...! ...! – выругался пенсионер, – ...! ...! ...!

Я попыталась трезво оценить ситуацию и попросила мужика:

– Разрешите, я выйду.

– ...! ...! ...! – прозвучало в ответ.

Я выползла из-за руля, ступила на асфальт и замерла в ужасе. Я попала в аварию, въехала в багажник серо-белой «Волги» лохматого года выпуска.

– Пристегните ремень, – донеслось из моей «букашки», – разрешенная скорость восемьдесят километров в час.

– ...! – рывкнул пострадавший.

Я потрясла головой. Так, спокойствие... Неприятность уже произошла и впадать в истерику не стоит. Нужно оценить ущерб и попытаться все уладить миром.

– Железнодорожный переезд, – курлыкал навигатор.

– ...! ...! ...! – отозвался пенсионер.

По моей спине пробежали мурашки в свинцовых сапогах. Не счесть числа анекдотам про блондинок за рулем, и, чего греха таить, – далеко не все они хорошо управляют с четырьмя колесами. Но отнюдь не блондинка на иномарке основная беда на дороге. Самый страшный вариант – пенсионер на древней «Волге». А если он даже в жарком июне не стягивает с головы ушанку, вот где подлинная катастрофа!

– Внимание, пост ГАИ, – объявил «штурман».

– ...? ...? ...? – тут же с вопросительной интонацией выматерилась «ушанка».

Ко мне стал возвращаться оптимизм. Пенсионер безостановочно матерится, навигатор находится в астрале, ничего страшного не происходит. Дедуся не ругается, он так разговаривает, и, похоже, его заинтересовал навигатор. А еще – вот уж радостное открытие! Ни бампер моей «букашки», ни багажник «Волги» не помяты, погнуты лишь номера машин.

– Наверное, нет необходимости вызывать ДПС, – обрадовалась я.

– ...! ...! ...? – заявил мужик.

– Простите, не поняла!

– ...? ...? ...? – с другой интонацией произнес пострадавший.

– Направо через сто метров, – внес свою лепту в беседу навигатор.

– ...! ...! ...!

Я прислонилась к крылу «букашки». И призвала себя к спокойствию. Надо представить, что я попала в аварию... ну... допустим, в Африке. Язык местных племен мне не известен, но необходимо договориться с аборигенами. Кстати, пенсионер, похоже, идет на контакт, без особой злобы предложил мне совершить пешее путешествие с сексуальным уклоном. Попытаюсь завязать неформальные отношения.

– Меня зовут Лампа. А вас?

– ...! ...! Юрий Петрович.

– Здорово! – искренне обрадовалась я. – Вот и познакомились. Смотрите, «железо» цело.

– ...! ...! ...? – нервно поинтересовался Юрий Петрович и вытер лицо рукавом рубашки.

– А сколько стоит номер? – Я правильно поняла его высказывание.

– ...! ...! ...! ...тысяч!

– Через Днепр для нас пути нет, – трагично отметил навигатор.

Я покосилась на коробочку. Эх его колбасит, бедняжку!

– ...! ...! ...! Двадцать тысяч! – ожил Юрий Петрович.

– Вы с ума сошли? – деликатно осведомилась я. – За такие деньги можно половину вашей таратайки купить! Номер цел, его надо лишь выпрямить. Хотите пятьсот рублей?

– ...! ...! ...! – взвизгнул пенсионер.

– Направо! – гаркнул «штурман».

– Сейчас, милый, поедem дальше, – успокоила я нервничающий прибор, – вот только разберусь с жадным Юрием Петровичем.

– ...? – жалобно спросил тот и начал обмахиваться невесть откуда вынутой газетой.

– Маршрут проложен, – крикнул «гид».

– ...! ...! ...! жопа, – тихо добавил пенсионер.

Отлично, похоже, мы достигаем консенсуса. Хозяин «Волги» перестал орать, навигатор тоже проявляет желание дружить, осталось лишь уточнить цену.

– Я готова заплатить триста рублей.

– ...!!!

– Ладно, четыреста.

– ...!!!

– Пятьсот. Но это последняя цена.

– Направо? – заискивающе поинтересовался навигатор.

Потом живо добавил: – Налево, движение по кругу.

– Не нервничай, дорогой, – я попыталась утешить явно расстроенную коробочку.

– Город Курск, – приободрился «Сусанин», – разрешенная скорость шестьдесят километров в час.

– Отдавай, иначе не договоримся!

Я подпрыгнула. Кто это сказал? Уж точно не Юрий Петрович, это совсем не его стиль. Навигатор? Кажется, он совсем, бедный, заболел! Очевидно, на моем лице отразилась растерянность, потому что пенсионер ткнул пальцем в сторону «букашки» и неожиданно вполне четко произнес:

– Его.

– Что? – не поняла я.

– ...! Жопа!

– Вы хотите получить мой навигатор?

– ...!!!

– Маршрут завершен, – жалобно пискнула коробочка.

Меня охватила непередаваемая радость. Неужели я сейчас избавлюсь от деда и жуткого прибамбаса одновременно? На столь счастливое разрешение ситуации я даже не надеялась.

– Навигатор? – повторила я.

– Жопа! – рявкнул дедок.

– Забирайте.

– ...? – не поверил Юрий Петрович.

– С огромным удовольствием, – подтвердила я. – Но только сами его снимайте, не помню, как штекер отсоединить.

Со скоростью обезумевшей мухи бывший военный нырнул в салон моей иномарки, поковырялся там пару секунд и

вылез назад, прижимая к груди кусок пластика с торчащими в разные стороны проводами.

– Жопа...? – спросил он.

– Можно, можно, – закивала я.

Ну надо же, я расчудесно понимаю мужика. Оказывается, дело не в наборе слов, Юрий Петрович знает их всего штук десять, а в выражении лица бывшего вояки и его интонациях.

– ...! ...! ...!

Вот сейчас отставник явно меня благодарит.

– ...! ...? ...!

А на данном этапе предлагает помощь.

– Спасибо, сама справлюсь, – ответила я.

– ...! – укоризненно заявил пенсионер, поднял крышку багажника «Волги», выудил здоровенный молоток, в одно мгновение выпрямил номер «букашки», спрятал инструмент, прыгнул за руль, завел мотор, высунулся в окно, улыбнулся и нежно сказал:

– Жопа!

– Жопа, жопа, – помахала я ему в ответ. – Счастливой дороги, не обижай мой навигатор. Он, правда, слегка странный, но что-то мне подсказывает, вы с ним договоритесь. Свояк свояка видит издалека.

«Волга» тихо потрусила вперед, я вернулась в «букашку», завела мотор и очень скоро обогнала самый элитный автомобиль отечественного автопрома. Юрий Петрович, занимая

левый ряд, плюхал со скоростью сорок километров в час. Обе руки пенсионера цепко держали руль, спина застыла в напряжении, ушанка сползла на лоб. Очевидно, процесс рулежки был для водителя слишком сложным, если не сказать тяжелым. На торпеде «Волги» под свешивающейся с зеркала заднего вида иконкой маячил навигатор. На секунду мне почудился укоризненный всхлип коробочки: «Движение по кругу», – но я живо затоптала в себе ростки жалости. Ничего, «Сусанину» будет лучше с Юрием Петровичем.

Вот вам наглядный пример того, что все плохое непременно имеет хорошую составляющую. Образно говоря, в бочке дегтя всегда отыщется ложка меда. Я попала в аварию, но выскочила из происшествия без особых потрясений, даже номер в порядке, зато избавилась от сумасшедшего прибора, выбросить который мне бы не позволила элементарная жадность. Я не в курсе, сколько стоит навигатор, но, думаю, он не дешевый.

В кафетерии супермаркета была лишь одна девушка, по возрасту студентка. Она сидела за пустым столиком в самом углу и сосредоточенно читала рекламную листовку.

– Ты Суля? – запыхавшись, спросила я.

– Да, – кротко ответила особа.

– Давно ждешь?

– Ну... минут тридцать, – промямлила подруга Фиры.

– Извини, я попала в аварию.

– Ой! – Суля схватилась ладонями за щеки. – Вы живы?

Хороший вопрос! Интересно, как она отреагирует, если я отвечу: «Нет»?

– Хочешь кофе? – предложила я.

– С удовольствием, – согласилась Суля.

Я сбегала к буфетчице, притащила два капучино, тарелочку с пирожными и сказала:

– Боюсь, ты неправильно меня поняла: я не ищу прислугу.

– А-а, – грустно протянула Суля, – ясно.

– Я частный детектив, вот документ.

– Ой! Я ничего не знаю! – тут же заявила собеседница.

– Меня интересует Фира.

– Она умерла. Сердце отказало.

– Тебе не показалось странным, что у молодой здоровой девушки вдруг случился инфаркт?

Суля молча взяла пирожное.

– Фира работала у Ветровых? – заехала я с другой стороны.

Кивок.

– Ей нравилась служба?

Легкое пожатие плечами.

– Что подруга рассказывала тебе о хозяевах? – не успокаивалась я.

Суля подобрала пальцем крошки с опустевшей тарелочки и внезапно поинтересовалась:

– Вам начальник хорошую зарплату выписывает?

– Я совладелица агентства, – усмехнулась я, – сама себе оклад назначаю.

Глаза девушки загорелись.

– Хотите узнать кое-что про Фирку и ее хозяев?

– Да, – честно ответила я.

– А мне нужен плеер, – заявила Суля.

– Ну и? – напряглась я.

Девушка ткнула пальцем вправо.

– Там есть магазин. Купите MP-3, и я все расскажу.

– Дорогое удовольствие, – недовольно протянула я.

– Можно не самый навороченный, – сразу пошла на компромисс Суля, – но лучше белого цвета. А то у всех есть, а у меня фиг!

Я встала и пошла в магазин. Мы с Ниной очень хорошо знаем: чтобы заполучить нужную информацию, частенько приходится раскошелиться, поэтому всегда предупреждаем клиентов:

– Вы оплачиваете не только нашу работу, но и расходы по делу. Если необходимо провести беседу с человеком в ресторане, счет за еду будет выставлен вам.

В принципе, покупка плеера не очень тяжелое материальное бремя для того, кто решил нанять частного детектива. Спроси я у какого-нибудь нашего заказчика, готов ли он оплатить плеер, а взамен получить интимную информацию, тот бы тотчас сам ринулся в магазин.

Глава 9

Увидев в моих руках коробку, Суля не сумела скрыть радости.

– Давайте его сюда! – потребовала она.

Я поставила упаковку в центр стола.

– Сначала стулья ⁷.

– Какие? – округлила глаза девушка.

– Забудь, – улыбнулась я, – это шутка. Прежде чем стать обладательницей плеера, ты должна дать мне интервью.

– Спрашивайте, – кивнула Суля.

– Фира долго работала горничной?

– Около года, – задумчиво произнесла девушка. – Сначала радовалась, что ей повезло, потом жаловаться принялась. Действительно, несправедливо получилось.

– Хозяева мало платили? Или оскорбляли прислугу?

Суля с тоской покосилась на пустую тарелочку, где раньше лежали пирожные.

– В «Парадизе» хитрая система, домработница включена в квартплату. Фирке в конторе конверт выдавали. Ясно?

– Не совсем.

– Дом-то пустой, – объяснила Суля. – У богатых свои причуды, накупали квартир.

⁷ Лампа вспоминает фразу из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (прим. автора).

– Забавно, – кивнула я.

– У одних по пять спален на одного, а нас шесть человек в двушке, – вздохнула Суля. – Разве это честно?

– Жизнь вообще несправедлива, – пресекла я ее попытку жаловаться на судьбу. – Давай-ка о Фире. Что плохого случилось у Ветровых?

– А ничего, – надулась девчонка. – Белье постирай-погладь, ботинки почисти, полы помой, пыль протри. Как утром в семь на работу заявишься, так до восьми юлой и крутись.

– Катерина приказывала Фире мыть полы зубной щеткой?

– Скажете тоже! – фыркнула Суля. – Конечно нет. Хватало обычных дел.

– Если Фира тяготилась службой горничной, ей следовало пойти учиться, – менторски заявила я. – А если ничего другого не умеешь, приходится с тряпкой в руках носиться.

Суля вынула из сумочки сигареты.

– Мы с Фиркой в одной группе учились, – пояснила она. – Но у нее мать умерла, а отец не растерялся и через месяц женился. У мачехи две своих дочки. Вот она мужу и сказала: «Нечего Фирке у тебя на шее сидеть, пусть работает. Образование и вечером получить можно, так многие делают, и никто не помер».

– Ясно, – кивнула я. – И Фира пристроилась в «Парадиз». Странно, однако, что в пафосный дом взяли девочку без опыта.

Суля повертела в пальцах сигарету.

– Ну теперь уже можно рассказать... Фирка любовь с Герой Выгузовым крутила. А отец Герки в «Парадизе» главный электрик...

– Можешь не продолжать. Понятно.

– Только не повезло Фире, – вздохнула Суля, – у остальных горничных лучше получилось.

– Полагаешь?

– Конечно. Они просто в служебном помещении сидели, – затарахтела Суля, – телик зырили, задницы на стульях полировали. А Фирка туда-сюда носилась, в доме-то одни Ветровы жили. Остальные жильцы редко показывались, у них раз в десять дней пыль с мебели сметут, и шоколадно. Зарплата же у всех горничных одинаковая. Где справедливость?

– С этим мы разобрались! – шлепнула я ладонью по столешнице. – Уже договорились: в мире нет справедливости. Что Фира рассказывала о Ветровых?

– Ну... ничего.

– Совсем? Не может быть.

– Ерунду всякую.

– Выкладывай.

– Ну... телика у них не было. Представляете? Вообще! Они его не смотрели! Никогда! Зато музыку слушали. Аппаратура навороченная! И пластинки хозяин покупал, все, типа, Чайковский. Цирк! Еще у Олега аллергия, поэтому у них животных не было. – Суля наморщила лоб, вспоминая. –

Катерина дома не готовила, но у них всегда в холодильнике полно деликатесов. Один раз Фирка растворимый суп себе развела, так хозяйка ей по первое число вломила: «Не желаю эту гадость нюхать! Хочешь жрать – ступай в рабочую столовую, здесь тебе не харчевня». Вот сука!

– Какие отношения были у хозяев?

– Хорошие, они не ругались. Прямо любовь-морковь! Фирке через день постельное белье менять приходилось. Понимаете?

– Кто к ним в гости заходил? – не успокаивалась я.

– Тихо жили, оргий не устраивали. Из дома на работу и назад. Это Олег. А Катерина по тусовкам бегала. Но у нее служба такая, – захихикала Суля. – Ловко некоторые устраиваются! И развлекутся, и пожрут, а оказывается – они пашут. Мне бы так!

– Фира жаловалась на сердце? – сменила я тему.

– Не-а.

– Она часто болела?

– Даже насморк не цепляла, – заверила Суля. – Когда ее в «Парадиз» брали, то заставили диспансеризацию пройти, анализы сдать. Так местный доктор прямо поразился, сказал Фирке: «Ты уникам. Девяносто процентов населения Земли являются носителями вируса герпеса, а у тебя никаких следов этой гадости. Проживешь триста лет». Сглазил, сволочь!

– А при каких обстоятельствах Фира умерла?

– В магазине, тут близко, – махнула рукой Суля. – По-

шла босоножки покупать на лето, мерила обувь и упала. Продавщица сначала решила, что она пьяная, потом доперла и «Скорую» вызвала. Но разве к обычному человеку быстро приедут? Когда врачи появились, Фирка уже... того...

Суля зашмыгала носом.

– Фира не упоминала о письме?

– Каком?

– Может, кто-то попросил ее передать Катерине конверт?

– Не знаю.

– Она не находила у двери хозяев записку?

– Какую? – изумилась Суля. – От кого?

– Не важно. Хоть что-нибудь странное с твоей подругой за некоторое время до смерти случилось?

– Вы о чем? – растерялась собеседница.

– Тебе виднее, – сказала я. – Допустим, с ней в метро познакомился интересный парень, или она нашла кошелек с деньгами, получила предложение поехать на Мальдивы...

– Ничего такого не было, – вяло улыбнулась Суля.

– Ну подумай хорошенько... – уговаривала я девицу.

– Обычная суета. Хотя... Фирка на красивый купальник копила, а заначку дома под своей кроватью держала. Там уже прилично набралось, и вдруг деньги пропали. Их мачехины дочери сперли, но не признались, – возбудилась Суля. – У Фирки денег вообще не осталось! Ни копеечки! Мерзавки все уперли! Вот гадюки!!! Фирка отцу пожаловалась, тот же не сказал, а она...

– Это неинтересно, – остановила я ее.

– А больше – ничего, – развела руками девушка.

– Ты хвасталась, что Фира не имела от тебя тайн!

– Верно.

– И какие у нее были секреты?

Суля опустила глаза и принялась пальцем гонять по столешнице крошку от пирожного.

– Некрасиво чужие тайны выбалтывать, – заявила наконец она.

– Ты получила плеер, – напомнила я.

Девушка быстрым движением схватила со стола коробку, положила ее себе на колени и затараторила:

– С Герой она спала. Фирку отец убил бы, узнай он правду. Ваще-то они пожениться хотели, но Фира красавчика с другой поймала, вот и разбежались. Герка ее тока-тока в «Парадиз» пристроил! Получила работу, а парня упустила. А потом и вовсе померла!

Суля взяла бумажную салфетку и промокнула глаза.

– Все, – подытожила она, – больше ничего!

– Подумай!

Девушка нахмурилась.

– В школе она уроки прогуливала! В субботу на занятия не приходила.

– Еще про детсад расскажи! – возмутилась я.

– Это я плохо помню, – на полном серьезе ответила Су-

ля, – может, там и было чего, да только в мозгах не задержалось.

Я протянула ей свою визитку.

– Вдруг на ум придут интересные детали, сделай одолжение, звони в любое время дня и ночи. А как с тобой связаться?

– По мобиле Фиры, он теперь мой, – заявила Суля. – Так я пойду?

– Выходит, ты получила плеер ни за что, – сказала я.

Суля хитро прищурилась:

– Вы его сами покупали, никто вас не заставлял.

– Действительно. Главное в жизни – не растеряться.

– Обидеть меня хотите?

– Вообще нет, просто размышляю вслух. Кстати, если вещь получена обманом, она долго не прослужит, – решила я испортить Суле настроение.

Она быстро прижала к себе упаковку с техникой.

– Я аккуратная, не сломаю.

– Где находится магазин, в котором умерла Фира?

– Рядышком, – девушка ткнула рукой в сторону метро, – прямо у газетного киоска.

Не поблагодарив Сулю, я вышла на улицу и двинулась в указанном направлении. Так, где тут лавка с ботинками?

Сначала на пути мне попался вагончик с шаурмой, затем будка, торгующая журналами, потом замызганный стеклянный павильончик без вывески, на двери которого беле-

ло объявление. Я подошла и прочитала текст, написанный аккуратным женским почерком: «Мастерская одежды. Защитить одно место сорок рублей». Плохое настроение разом улетучилось. Нет необходимости покупать сборники анекдотов, достаточно просто посмотреть по сторонам. Вон чуть поодаль магазин с милым названием «Малышок». Все бы ничего, но встык к этой вывеске прикреплена другая: «Пиво, водка, сигареты». Ну и что получилось? «Малышок. Пиво, водка, сигареты». А что имели в виду хозяева салона красоты, назвав его «Кенгурия»? Там делают прически и макияж сумчатым? Или клиенты после посещения стилиста все как один походят на животное с сумкой на брюшке? Впрочем, вероятно, основное направление заведения эпиляция меха кенгуру восковыми полосками. И, похоже, магазин «Хлебурия», расположенный рядом, принадлежит тому же хозяину.

А вот и «Сапог-мегаход», мне явно нужно сюда.

В небольшом зале, заставленном стендами с обувью, тосковала за кассой ярко накрашенная брюнетка.

– Скидок нет! – лениво протянула она, не отрывая глаз от журнала. – Цены фиксированы, мы не торгуемся.

Я подошла к красавице и помахала перед ее носом рабочим удостоверением.

– Вау, опять! – встрепенулась продавщица. – Вы из-за той девки, что у нас померла? Ну ё-моё! Не вчера же случилось!

– Верно.

– Ну, блин, надоели! Я вашим ментам все рассказала! –

злилась брюнетка.

– Давайте еще раз попробуем.

– А работать когда?

– Здесь нет ни одного покупателя, – улыбнулась я. – Если они появятся, прервемся.

– Хозяин у нас болван, – неожиданно пожаловалась торговка. – Вы только гляньте! На дворе июнь, а на полках одни сапоги! И никакого сэйла, ни рубля не скинул! Сказал: «Говорите людям, что прибыла новая коллекция, к сезону осень-зима готовимся, первыми хотим быть». Анекдот! Первее никого нет, мало долдонов, которые в июне валенки людям впарить хотят. Вчера я только стельки продала в лыжные ботинки!

– Куда? – засмеялась я.

Продавщица оперлась локтями на прилавок и тоже хихикнула. Но подтвердила:

– Точно-точно, мужик купил стельки в ботинки для лыж.

– Зачем они ему в жару?

– Да идиот какой-то, – сообщила брюнетка, – явно из дурки смылся.

– Тебя как зовут? – я решила перейти с продавщицей на «ты».

– Клеопатра.

– Красиво, – улыбнулась я. – Со мной проще – Лампа.

Клеопатра подняла голову к потолку:

– Погасла? Которая?

– Меня так зовут – Лампа!

Продавщица снова захихикала.

– Я думала, тока мои предки дураки, но твои, получается, еще круче. Свои зовут меня Клёпой. Ладно, спрашивай.

– Помнишь, что случилось с девушкой?

– А то нет! – поежилась Клёпа. – Не каждый день в магазине покупатели мрут. Ох и влетело мне от Рахмета...

– От хозяина?

– Ага.

– За что?

– Не понравилось ему появление милиции. Орал, как взбесившийся барсук: «Почему ты разрешила бабе тапки тут отбросить?» А я откуда знала? На ней не было написано: «Сейчас помру». Выглядела нормально, разговаривала вежливо, потом брык – и нету.

– Давай-ка подробно, в мельчайших деталях.

Клёпа скривилась.

– Пожалуйста! – взмолилась я. – У меня тоже есть начальник, вроде твоего Рахмета. Если не нарою интересных сведений, скандал закатит.

– Это они могут, – с сочувствием кивнула брюнетка. – Погоди, щас все вспомню.

Я вся превратилась в слух.

День, когда скончалась Фира, начался для Клёпы крайне неудачно. Утром она порезала палец, запачкала кровью белую юбку, а потом, открывая магазин, попала по больному

месту щеколдой, и красные капли оросили футболку. Кое-как застирав ее, Клёпа устроилась за кассой, и тут косяком пошли идиотки. Они входили в торговый зал, окидывали взглядом полки и, произнося одну и ту же фразу: «Сапоги не нужны», – быстро уходили прочь.

Ни одна из них не удосужилась пройтись по залу. А на одном стеллаже, между прочим, полно босоножек. Конечно, продавщице следовало сказать об этом женщинам, но Клёпа, расстроенная из-за травмированного пальца и двух испорченных вещей, предпочитала помалкивать. В конце концов, она получает твердый оклад, ей плевать на выручку Рахмета.

Около полудня наступило затишье, Клёпа спокойно читала журнал, когда в магазинчик вошла худенькая девушка. В отличие от остальных, она внимательно изучила ассортимент и спросила:

– Зелененькие сабо тридцать восьмого размера есть?

Клёпе страшно не хотелось шевелиться. Чтобы отделаться от покупательницы, она уже хотела соврать: «Нет, остались лишь маленькие». Но девушка вдруг сказала:

– Знаете, я копила на купальник, да заначку стырили. А тут деньги мне неожиданно перепали, вот и хочу обновку купить. Боюсь, как бы бабки опять не украли.

– Сейчас принесу, – устыдилась Клёпа и пошла в подсобку.

Когда она вернулась, в торговом зале творилось форменное безобразие. По залу с визгом носились озорники детса-

довского возраста. Малыши уронили часть сапог, а их мамаша – растрепанная черноволосая смуглая тетка, – держа на руках худосочное создание в красном чепчике, сосредоточенно изучала ассортимент.

Клёпа сунула девушке коробку с сабо и возмутилась:

– Здесь не парк развлечений!

– Я хочу купить сапоги, – заявила баба и села на банкетку.

Дети, поняв, что мать временно забыла о них, устроили новый шабаш. У Клёпы закружилась голова, к горлу подступила тошнота.

– Успокойте их, – попросила она женщину.

– А то ж детки! – отмахнулась мамаша. – Им положено шуметь!

– Они другим мешают, – возразила Клёпа. – Видите, у окна девушка обувь примеряет.

– Заткнитесь! – заорала мамаша на ребятишек. Они перестали визжать, зато завелся карапуз у нее на руках – завизжал, как поросенок, увидевший хозяина с тесаком в руке.

– Как вы их выносите? – не сдержалась Клёпа.

– Кого? – изумилась покупательница.

– Детей! – рявкнула продавщица. – С ума сойти можно от их гвалта!

– Че? Сюда надо одной заходить? – пошла в атаку тетка. – Кровиночки мои тебе поперек горла? Своих родить не можешь, так чужих ненавидишь? Думаешь, эксклюзивом торгуешь? Говнодавы одни на полках стоят!

Клёпа вообще-то не дает себя в обиду, наглых хамок она легко ставит на место, но в то мгновение ей неожиданно стало совсем плохо. Желудок, словно скоростной лифт, стартовал вверх, лоб похолодел, а уши, наоборот, горели огнем.

– Наверное, на меня так суета подействовала, – объясняла она мне сейчас, – столько капризных детей разом к нам не заходило. Ну приведут одного, двух, те сядут на диванчик и ждут. А чтобы так носиться... Вот поэтому башку мне и заломило.

В общем, Клёпа чуть не свалилась в обморок. У нее сильно застучало в ушах, заколотилось в груди, задергалось в низу живота. И вдруг внезапно наступила тишина.

– Больше я сюда ни ногой! – ворвался в уши Клёпы противный голос многодетной мамыши. – И всем во дворе расскажу, как здесь покупателей встречают! Пошли, ребята!

Малыши высыпали на улицу, тетка ушла следом.

– Я еле-еле в себя пришла, – вздохнув, сказала Клёпа. – Прямо колотило всю! Такое ощущение было, будто я пьяная, и спать хотелось. Я еще подумала: замуж выйду – больше одного не рожу.

– Я тоже не люблю шума, – согласилась я.

– В клуб я нормально хожу, а ведь там музыка орет, и ничего! – недоумевала Клеопатра. – Но тут меня натурально повело!

– День с утра не задался, ты понервничала из-за пальца, – посочувствовала я. – Или, может, погода менялась, вот дав-

ление и запрыгало. И еще. Чужие дети вообще раздражают. Своим-то простишь любое безобразие, а посторонним нет.

– Знаешь, что меня больше всего обозлило? – призналась Клёпа. – Ладно, мелкие шkodили, что с них возьмешь, они ж маленькие. Мамаша, дура, нарожала сто штук, а воспитать не может. Но с ней девчонка была, уже взрослая. Так та сидела и вязала! Видела, как братья и сестры безобразничают, а не остановила их.

Глава 10

Я сделала стойку.

– Вязала? Спицами?

– Да, – кивнула Клёпа. И фыркнула: – Типичная пофигистка! Вон там пристроилась, в кресле. Может, она больная? Походка у неё странная, бочком как-то ходит.

Я попыталась сложить картинку:

– У матери было много малышей?

– Ну да, – с раздражением из-за моей бестолковости сказала Клёпа. – Точное число не назову, они носились туда-сюда, взад-вперед, шмыг-брык! Может, четверо? Или пятеро! Мельтешили мухами! Как вспомню, так тошнит. Интересно, бывает аллергия на детей?

– Вполне вероятно, – пробормотала я, – на свете всякое случается. А возраст у безобразников какой?

– Не знаю.

– Совсем крошки?

– Они разговаривали. Но не школьники.

– Лет шесть?

– Нет, меньше.

– Пять?

– Скорей всего.

– А еще девочка-подросток?

– Ну да! – всплеснула руками Клёпа. – Взрослая совсем,

лет тринадцати. Я в таком возрасте всю матери помогала, а если не хотела, то живо затрещину получала. Эта же сидела и вязала! Ни малейшего внимания на младших. Правда, послушная, едва маманька уходит приказала, вскочила и вон кинулась, ни слова не говоря. Ну и семейка!

– Значит, ты ушла в подсобку за сабо, вернулась – в зале суета, а девица вяжет, сидя в кресле? – подытожила я.

– Верно.

– И что случилось после ухода этой орды?

Клёпа наклонилась, достала из-под прилавка бутылку воды, сделала глоток и стала загибать пальцы на руке.

– Я посидела секунду, подождала, пока сердце успокоится. Собрала расшвырянную обувь, поставила ее на стенд, подошла к покупательнице. И тут... бр...

Продавщица поежилась.

– Девушка сидела на диванчике, привалившись к стене и опустив голову. Я сначала подумала, что ей тоже от гама плохо стало, ну и позвала осторожно: «Эй, хотите водички?» Ответа не дождалась, потрясла за плечо... А она – брык! Вау! Жуть! Жесть! Выскочила я на улицу, хотела заорать, но удержалась. Позвонила в милицию, а уж потом Рахмету. Думаешь, хозяин после того, как менты укатили, меня домой отпустил, сказал нежно: «Иди, Клёпочка, отдохни, ты столько пережила, вот тебе премия, купи себе новую юбку»? Фиг! Велел до полуночи в магазине куковать. Гад!

– Как звали женщину с детьми?

– Я с ней не знакомилась.

– Опиши внешний вид многолетней.

– Э... во такая, высокая. Или у нее каблук были? Ну...

типа... нормальная...

– Цвет волос?

– Темная, кудрявая, волосы длинные, лицо желтое.

– Глаза?

– Не видела.

– Особые приметы? Шрамы, родинки, какое-нибудь уродство – заячья губа, например? Слишком оттопыренные уши? – без всякой надежды на успех вопрошала я.

Мой друг мент Володя Костин частенько повторяет:

– Свидетель – главная беда дознавателя. Ничего не видит, не слышит, плохо соображает. Как начнет описывать человека, мама родная!.. Суммируешь показания и не знаешь, то ли смеяться, то ли запить с горя. Портрет получается – заглядение: двухметровый карлик, лысый кудрявый блондин с черными волосами, одетый в джинсы и вечернее платье, шел с собачкой-птичкой на поводке со средней скоростью сто километров в час. Вот и ищи такого, да поскорее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.